

Брэм
Стокер

В ГОСТЯХ
У ДРАКУЛЫ

КЛУБ
КЛУБ

Брэм Стокер

**В гостях у Дракулы. Вампиры.
Из семейной хроники графов
Дракула-Карди (сборник)**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1912, 1914

Стокер Б.

В гостях у Дракулы. Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди (сборник) / Б. Стокер — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1912, 1914

ISBN 978-966-14-3404-1

Кровавое проклятье графов Дракула-Карди... История о том, как могущественный вампир – Хозяин – воцарился в родовом замке, сея смерть и ужас среди окрестных жителей. Необычный роман «Вампиры» можно считать предысторией «Дракулы» Брэма Стокера. Читателю предлагают коктейль из мистики и мистификации, сдобренный готическими ужасами. Эта смесь интригует и завораживает, и роман гармонично соседствует с прекрасными рассказами Брэма Стокера, которому явно подражает барон, скрывающийся под псевдонимом б. Олшеври.

ISBN 978-966-14-3404-1

© Стокер Б., 1912, 1914
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1912, 1914

Содержание

Брэм Стокер	6
Предисловие	6
В гостях у Дракулы	7
Дом судьи	15
Скво	27
Тайна растущего золота	35
Предсказание цыганки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Брэм Стокер, Барон Олшеври В гостях у Дракулы. Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди (сборник)

Текст печатается по изданию:

«Вампиры. Фантастический роман барона Олшеври из семейной хроники графов Дракула-Карди». – Московская типография Саблина, 1912.

Перевод с английского:

«Dracula's Guest» by Bram Stoker, George Routledge and Sons, 1914, England

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2008, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Брэм Стокер

В гостях у Дракулы

Рассказы

Моему сыну

Предисловие

За несколько месяцев до горестной кончины, можно сказать, когда смерть уже накрыла его своей тенью, мой муж готовил к публикации три серии коротких рассказов, и книга, которую держит в руках читатель, – одна из них. К рассказам, включенным им в книгу, я добавила до настоящего времени не публиковавшийся эпизод из «Дракулы». Он был исключен из окончательного варианта романа с одной целью: уменьшить объем книги, и может вызвать интерес у многих почитателей произведения, которое считается лучшей работой мужа. Остальные рассказы уже печатались в английских и американских периодических изданиях. Проживи мой муж дольше, он, возможно, счел бы нужным переработать эти рассказы, большинство из которых относятся к раннему периоду его творчества. Но, поскольку судьба распорядилась так, что заниматься их выпуском приходится мне, я посчитала правильным и целесообразным не вносить никаких изменений и выпустить эти рассказы практически в том виде, в котором они были закончены им.

Флоренс Брэм Стокер

В гостях у Дракулы

Вдень отъезда солнце над Мюнхеном светило ярко, и в воздухе витало то радостное настроение, которое нередко ощущается поздней весной. Перед самым нашим отъездом господин Дельбрюк (хозяин гостиницы «Четыре времени года», в которой я остановился) спустился с непокрытой головой к коляске и, пожелав мне приятной дороги, обратился к извозчику, который придерживал дверцу коляски открытой:

– Не забудь, ты должен вернуться до полуночи. Небо пока чистое, но по северному ветру чувствуется, что буря может начаться неожиданно. Впрочем, я и так не сомневаюсь, что ты не станешь задерживаться, – тут он улыбнулся и добавил: – Ты же знаешь, *что* за ночь сегодня.

Йохан с важным видом ответил: «Ja, mein Herr»¹, тронул шляпу и хлестнул лошадей. Когда мы выехали за город, я спросил его, предварительно попросив остановиться: – Скажите, Йохан, что за ночь сегодня?

Перекрестившись, он коротко ответил: «Вальпургиева ночь». Затем достал часы, огромный, величиной с луковицу, старинный серебряный немецкий хронометр, посмотрел на него, сдвинув брови, и нетерпеливо передернул плечами. Я понял, что таким образом он выражает свое раздражение задержкой, поэтому сел обратно в коляску и сделал знак отправляться дальше. Он тронул сразу же, как будто хотел наверстать упущенное время. Лошади то и дело вскидывали головы и подозрительно принюхивались. В такие моменты я сам часто встревоженно оглядывался по сторонам. На высоком, не защищенном от ветра плато, которое мы пересекали, было довольно прохладно. Я заметил дорогу, почти заросшую, которая, извиваясь, углублялась в небольшую долину. Она вызвала у меня такой интерес, что, даже несмотря на риск вызвать недовольство извозчика, я попросил остановиться, и когда он натянул поводья, сказал, что хотел бы поехать по этой дороге. Йохан, то и дело крестясь, постарался отговорить меня от этой затеи, но его попытки лишь вызвали у меня еще большее любопытство. Я стал задавать ему всяческие вопросы. Отвечал он короткими недовольными фразами и постоянно нетерпеливо смотрел на часы. Наконец я сказал:

– Что ж, Йохан, я хочу отправиться по этой дороге. Я не приглашаю вас следовать за мной, если вы не хотите, но скажите, почему вы отказываетесь по ней ехать. Это все, что я прошу.

В ответ он спрыгнул с козел, причем так быстро, словно хотел броситься на землю. Протягивая ко мне руки, он стал умолять не идти. Его немецкая речь перемежалась фразами на английском, чтобы я смог понять его. Он как будто хотел мне сказать что-то такое, сама мысль о чем наполняла его ужасом, поэтому, не переставая осенять себя крестом, он только повторял: «Вальпургиева ночь».

Я попытался вступить с ним в спор, но трудно спорить с человеком, языком которого не владеешь. Тем более что преимущество все равно оставалось за ним, поскольку, начиная говорить на ломаном английском, он, возбуждаясь, неизменно переходил на свою родную речь, при этом часто посматривая на часы. Вдруг наши лошади забеспокоились и стали принюхиваться. Заметив это, Йохан побледнел, испуганно оглядываясь, потом неожиданно прыгнул вперед, схватил их за поводья и отвел примерно футов на двадцать. Я пошел следом и спросил, зачем он это сделал. В ответ он опять перекрестился, указал на место, где мы только что стояли, чуть сдвинул коляску по направлению к другой дороге, крестом пересекавшей ту, по которой ехали мы, и сказал, сначала по-немецки, потом как мог по-английски: «Здесь похоронен тот... тот, который убил себя».

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках.

¹ Да, господин (нем.). – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

– А! Понятно, самоубийство. Как любопытно! – сказал я, но хоть убей не мог понять, почему испугались лошади.

Разговаривая, мы слышали какой-то звук, нечто среднее между визгом и лаем. Звук этот доносился издалека, но лошади сильно заволновались, и Йохану стоило больших трудов сдержать их. Он побледнел еще сильнее и сказал:

– Похоже на волка... Но ведь здесь волки больше не водятся.

– Не водятся? – переспросил я. – А давно волки подходили к городу так близко?

– Давно, давно, – сказал он. – Весной и летом. Но когда выпал снег, они ушли.

Пока извозчик поглаживал лошадей и пытался их успокоить, небо стремительно заволкло темными тучами. Солнце спряталось, и нас обдало дыханием холодного ветра. Но вскоре солнце снова вышло из-за туч и засветило по-прежнему ярко. Йохан, глядя вдаль из-под руки, сказал:

– Снежная буря, скоро начнется.

Потом опять взглянул на часы и, крепко сжимая поводья, поскольку лошади все еще били копытами землю и вскидывали головы, взобрался на козлы, словно собираясь трогать.

Во мне проснулось некоторое упрямство, и я не сразу сел в коляску.

– Расскажите мне, – обратился я к нему, – о том месте, куда ведет эта дорога, – и указал рукой в сторону.

Он снова перекрестился и, прежде чем ответить, пробормотал слова молитвы.

– Там нечисто.

– Что именно нечисто? – не понял я.

– Деревня.

– Так, значит, там находится деревня?

– Нет, нет. Никто не живет там уже сотни лет.

Мне стало любопытно.

– Но вы сказали, что там деревня.

– Была.

– Куда же она подевалась сейчас?

Йохан пустился в длинный рассказ, перемежая английские слова таким количеством немецких, что я почти ничего не понимал. Я лишь уловил, что очень давно, сотни лет назад, там умирали люди, их хоронили, но из-под земли слышались звуки, и, когда могилы вскрывали, умершие мужчины и женщины выглядели как живые, а рты у них были в крови. Поэтому, стараясь спасти свои жизни («и души!» – добавил он и перекрестился), оставшиеся в живых поспешили оставить это место и уехали в другие деревни, где живые были живыми, а мертвые – мертвыми, а не... чем-то другим. Он явно побоялся произнести последнее слово. По мере рассказа он все больше и больше возбуждался. Похоже, воображение у него разыгралось до такой степени, что под конец страх окончательно овладел им: он сделался белым как мел, лицо его покрылось испариной; дрожа всем телом, он оглядывался по сторонам, словно в любую секунду ожидал проявления какой-нибудь злой силы здесь, на открытом пространстве в ярких лучах солнца. Доведя себя таким образом до полного отчаяния, он выкрикнул:

– Walpurgis nacht!² – и жестом призвал меня сесть в коляску. В ответ на это моя английская кровь закипела, и я, сделав шаг назад, сказал:

– Вы напуганы, Йохан... вы напуганы. Поезжайте домой, я вернусь один, мне будет полезно пройтись пешком.

Дверца коляски была открыта. Я взял с сиденья свою дубовую трость, которую всегда беру, отправляясь в выходные дни на экскурсии, и закрыл дверцу. Махнув рукой в сторону Мюнхена, я сказал:

² Вальпургиева ночь (нем.).

– Возвращайтесь домой, Йохан... Вальпургиева ночь англичан не касается.

Лошади пришли в необычайное волнение, Йохану с большим трудом удавалось удерживать их на месте, однако он принялся умолять меня не совершать подобной глупости. Мне стало чрезвычайно жаль беднягу, ведь в своем страхе он был совершенно искренен, но все равно я не смог не рассмеяться. Говорить по-английски он уже и не старался, от волнения позабыв о том, что единственным способом заставить меня внять его мольбам было употреблять язык, который я понимал, и лопотал что-то на своем родном немецком. Меня все это начинало несколько утомлять. Указав направление «домой!», я развернулся, чтобы пойти по старой дороге в долину.

С возгласом отчаяния Йохан направил лошадей в сторону Мюнхена. Опершись на трость, я проводил его взглядом. Какое-то время коляска медленно ехала по дороге, потом на вершине холма появился человек, высокий и худой, больше на таком расстоянии я ничего различить не смог. Когда он приблизился к лошадям, те встали на дыбы и, брыкаясь, стали ржать от ужаса. Йохан больше не мог сдерживать их, и они понеслись по дороге, словно обезумев от страха. Я смотрел им вслед, пока коляска не скрылась из виду, потом поискал глазами незнакомца, но он тоже пропал.

С легким сердцем я двинулся вдоль по уходящей на равнину дороге, которая так напугала Йохана. Я совершенно не мог понять, почему он не хотел, чтобы я туда отправился. Могу сказать, что пару часов я шел, не замечая времени и не думая о расстоянии, по пути мне не попадались ни люди, ни дома. О самом месте можно сказать, что оно казалось совершенно диким и оторванным от остального мира. Однако я этого не замечал, пока, зайдя за очередной поворот, не наткнулся на подступающий к дороге лес. Только тогда я понял, насколько в душе был впечатлен первозданной красотой края.

Я решил присесть, чтобы отдохнуть и осмотреться. С удивлением я заметил, что стало намного холоднее, еще я постоянно слышал какой-то звук, похожий на продолжительный печальный вздох, который время от времени прерывался приглушенными раскатами грома, доносившимися откуда-то сверху. Взглянув на небо, я заметил огромные густые тучи, стремительно несущиеся с севера на юг. Где-то очень высоко собиралась буря. Мне стало зябко. Решив, что виной этому неподвижное сидение после активной ходьбы, я снова двинулся в путь.

Местность была очень живописной. Никаких примечательных объектов, на которых мог бы остановиться взгляд, но в окружающей природе чувствовалась какая-то красота. Я почти забыл о времени, поэтому, только когда начали сгущаться сумерки, задумался о том, каким образом мне возвращаться домой. Солнце уже не светило так ярко, как днем. Похолодало, и тучи неслись все быстрее. Их движение сопровождалось отдаленным грохотом, в котором периодически слышались отголоски того загадочного звука, который, по словам кучера, издавал волк. Некоторое время я не мог решить, что же делать. Я отправился в дорогу в надежде увидеть заброшенную деревню, а сейчас находился посреди широкого пустынного пространства, со всех сторон окруженного холмами. Их склоны до самого подножия заросли деревьями, которые образовывали небольшие рощи на более-менее пологих участках и ложбинах. Окинув взглядом извилистую дорогу, я увидел, что она поворачивает и скрывается за одним из таких скоплений деревьев.

Пока я всматривался вдаль, подул очень холодный ветер и начал падать снег. Мысленно оценив расстояние, пройденное мною по открытой, не защищенной от ветра местности, я поспешил к лесу в поисках убежища. Небо становилось все темнее и темнее, снег падал все быстрее и гуще. Земля вокруг превратилась в белый сверкающий ковер, а даль скрылась в туманной дымке. Дорогу теперь можно было разобрать лишь с трудом. На неровных участках границы ее еще были видны, но на плоскости терялись почти полностью, и в скором времени я понял, что, должно быть, сбился с пути. Под снегом не чувствовалось твердой поверхности, под ногами были мягкие трава и мох. Ветер усиливался, дул в спину с такой силой, что

мне приходилось бежать. Воздух стал ледяным, и я, хоть и двигался довольно активно, сильно замерз. Снег сделался густым и кружил в таком безумном вихре, что слепил глаза. Небо то и дело прорезали яркие молнии. Благодаря этим вспышкам я смог различить впереди большое скопление деревьев, в основном тисов и кипарисов, которые сплошь были залеплены снегом, к ним я и направился.

Вскоре я оказался под защитой деревьев, и здесь, в относительной тишине, смог различить завывание ветра высоко над головой. Некоторое время спустя мрачная темнота бури превратилась в мрак ночи. Но постепенно ветер стал затихать, напоминая о себе лишь яростными порывами и раскатами грома. В такие моменты начинало казаться, что звуки, похожие на волчий крик, слышатся со всех сторон.

Изредка сквозь черную массу несущихся облаков пробивался луч лунного света. В его сиянии я увидел, что нахожусь на краю густых зарослей тиса и кипариса. Когда прекратился снегопад, я вышел из своего убежища и принялся изучать окрестности более внимательно. Мне показалось, что среди многочисленных старых, разрушенных до основания домов, мимо которых я проходил, направляясь к спасительным деревьям, было одно здание, скорее руины, в котором я все же мог бы на какое-то время укрыться. Двинувшись к нему по лесной опушке, я обнаружил, что строение окружает невысокая стена. Пройдя вдоль нее, я наткнулся на ворота. Здесь кипарисы образовывали что-то вроде аллеи, которая вела к дому. Но едва я успел бросить на него взгляд, как тучи снова закрыли луну, и дальше мне пришлось идти в полной темноте. Должно быть, ветер сделался еще холоднее, так как, пока я шел, меня начало трясти. Но надежда оказаться под крышей заставляла меня пробиваться вперед не разбирая дороги.

Внезапно сделалось очень тихо, и я остановился. Буря улеглась, и мое сердце, словно в созвучии с природой, как будто тоже перестало биться. Но это продлилось лишь какое-то мгновение, поскольку тучи неожиданно расступились и в лунном свете я увидел, что стою посреди кладбища, а здание, к которому я шел, – это большой массивный склеп из мрамора, белого, как снег, укрывающий округу. С лунным светом буря напомнила о себе новым зловещим знаком: раздался длинный глухой звук, больше всего похожий на вой собак или волков. Я остановился, парализованный ужасом, и чувствовал, как холод все глубже проникает в меня, пока мне не стало казаться, что он добрался до самого сердца. Луна все еще освещала мраморный склеп, буря же снова дала о себе знать, предвещая свое возвращение.словно зачарованный, я приблизился к гробнице, чтобы выяснить, почему здание стоит особняком в таком месте. Обойдя склеп кругом, я увидел дверь в дорическом стиле, над которой прочитал надпись на немецком языке: «Графиня Долинген фон Грац из Штирии. Искала и нашла смерть. 1801». Наверху прямо из камня – а строение состояло из нескольких огромных каменных блоков – торчал гигантский железный гвоздь или кол. Отойдя чуть назад, я прочитал надпись, сделанную большими русскими буквами: «Смерть ходит быстро».

Было во всем этом что-то такое странное и жуткое, что я почувствовал, как от страха теряю последние силы. Впервые я пожалел, что не прислушался к советам Йохана. И тут как гром среди ясного неба в голову мне пришла неожиданная мысль, повергнувшая меня в настоящий шок. Настала Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь. Ночь, когда, как верят миллионы людей, миром правит сатана, когда открываются могилы и из них выходят мертвые. Когда пируют все злые силы на земле, в воздухе и воде. Именно этого места больше всего боялся кучер. Это и есть деревня, оставленная жителями столетия назад. Здесь покоится самоубийца, и именно здесь нахожусь я, лишенный мужества, дрожащий от холода под снежным саваном, в ожидании возвращения дикого бурана! Мне потребовалось собрать в кулак все свои познания в философии и религии, чтобы не поддаться паническому страху.

В следующую секунду на меня налетел неимоверной мощи шквал. Земля содрогнулась, как будто по ней пронесли тысячи лошадей. На этот раз ветер принес на своих ледяных кры-

льях не снег, а градины огромного размера, которые били в землю с такой силой, будто были выпущены из балеарских пращей, градины, которые сбивали с деревьев листья и ветки, так что теперь искать спасения под кипарисами не имело смысла. Сперва я бросился к ближайшему дереву, но потом вынужден был переместиться в единственное место, казавшееся теперь защищенным от града: массивный дверной проем мраморной спальни. Там, вжавшись в тяжелую бронзовую дверь, я ощутил себя в относительной безопасности. Градины попадали на меня только отскакивая от земли и мраморных стен.

Под моим весом дверь немного приоткрылась вовнутрь. При такой безжалостной буре даже могильный склеп казался желанным убежищем. Я хотел было войти, но тут небо словно разрезало пополам огромной зигзагообразной молнией. В ту же секунду, поскольку глаза мои были направлены в непроглядную темень гробницы, я увидел прекрасную женщину с полными щеками и ярко-красными губами. Женщина лежала в гробу, стоящем на возвышении, и, казалось, спала. Когда раздался оглушительный грохот, какая-то сила точно рукой гиганта схватила меня и швырнула под открытое небо. Все это произошло так быстро, что я сперва почувствовал, что на меня снова сыплются тяжелые градины, и лишь потом ощутил потрясение как моральное, так и физическое. Одновременно с этим у меня возникло странное и совершенно отчетливое ощущение, что я не один. Я снова устремил взгляд на склеп. И в тот же миг полыхнула новая вспышка молнии, которая, похоже, попала в железный стержень, увенчивающий гробницу, и огненной волной прошла по стенам в землю, при этом раскалывая и кроша мрамор. На секунду объятая пламенем женщина приподнялась в страшной агонии, и отчаянный крик боли потонул в оглушительном громе. Последним, что я услышал, был этот ужасающий звук. Неведомая сила снова схватила меня и потащила прочь от гробницы. Мое тело осыпали ледяные камни, а воздух наполнился волчьим воем. Помню, что, прежде чем потерять сознание, я увидел движущуюся бесформенную белую массу, как будто из всех могил вокруг поднялись призраки тех, кто лежал в гробах, укрытые саванами, и теперь они приближались сквозь стену града.

Постепенно ко мне вернулось некое подобие сознания, потом пришло ощущение страшной усталости. Поначалу я ничего не мог вспомнить, но через какое-то время чувства восстановились. Ноги сводила адская боль, шевелить ими я не мог. Они словно отнялись. На шее и вдоль позвоночника ощущался холод, уши онемели и ужасно болели. Только в груди чувствовалось тепло, которое казалось необычайно приятным. Мое состояние было, если так можно выразиться, физическим кошмаром, поскольку какая-то тяжесть на груди почти не давала дышать.

Это полубеспамятство продолжалось довольно долго, и когда оно стало проходить, я, похоже, заснул или потерял сознание. Потом я почувствовал тошноту, как при первых приступах морской болезни, и страстное желание освободиться от чего-то... хотя я и сам не знал от чего. Вокруг царил полнейшая тишина, как будто весь мир погрузился в сон или умер... было слышно лишь тяжелое дыхание, похожее на звериное, которое раздавалось совсем рядом. Я ощутил прикосновение к горлу, и тут пришло полное осознание ужасной правды, от которой кровь застыла у меня в жилах. Какое-то большое животное лежало у меня на груди и лизало шею. Я не осмелился пошевелиться, так как некий внутренний инстинкт самосохранения подсказал, что нужно лежать неподвижно. Однако зверь, кажется, почувствовал происшедшую во мне перемену и поднял голову. Сквозь ресницы я увидел над собой пару больших горящих глаз огромного волка. В раскрытой красной пасти блеснули острые зубы. Я почувствовал горячее дыхание, частое и зловонное.

На какое-то время я снова провалился в бездну беспомощности. Потом меня привело в сознание глухое рычание, прерываемое звуками, похожими на лай, которые повторялись снова и снова. Затем мне показалось, что издали донеслись звуки множества голосов, которые в унисон повторяли: «Хола! Хола!» Осторожно я приподнял голову и посмотрел в том направлении, откуда они слышались, но могильные плиты мешали что-либо разглядеть. Волк по-

прежнему продолжал лаять странным образом, вдоль зарослей кипариса я заметил какое-то красное свечение, которое, похоже, двигалось на звук. Чем ближе слышались голоса, тем быстрее и громче лаял волк. Сам я издавать какие-либо звуки или шевелиться боялся. Свечение приближалось, двигалось по белой пелене. Потом из-за деревьев разом появился целый отряд всадников с факелами в руках, они ехали рысью. Волк поднялся с моей груди и бросился по направлению к кладбищу. Я увидел, как один из кавалеристов (а то, что это были именно кавалеристы, было ясно по их головным уборам и длинным военным сюртукам) вскинул карабин и прицелился. Скакавший рядом с ним ударил его снизу по руке, и пуля просвистела у меня над головой. Несомненно, он принял меня за волка. Другой кавалерист, должно быть, заметил убегающего зверя, прогремел еще один выстрел. После этого отряд конников устремился вперед, кто-то направился ко мне, а кто-то поскакал следом за серым, растворившимся среди заснеженных кипарисов.

Когда они приблизились, я попытался пошевелиться, но силы покинули меня совершенно, хоть я и мог видеть и слышать все, что происходило вокруг. Двое или трое солдат спешили и опустились на колени рядом со мной. Один из них приподнял мне голову и приложил руку к груди.

– Хорошие новости, друзья! – крикнул он. – У него еще бьется сердце!

Потом мне в рот влили несколько глотков бренди, которое оживило меня настолько, что я смог полностью раскрыть глаза и осмотреться. Среди деревьев носились огни и тени, было слышно, как перекрикиваются люди. Все начали съезжаться в нашу сторону, испуганно переговариваясь. Из лабиринта могил показались солдаты с факелами, глаза их были безумны. Когда все собрались вокруг меня, те, кто был рядом, взволнованно спросили:

– Ну что, вы нашли его?

Последовал быстрый ответ:

– Нет! Нет! Едем обратно... скорее! В этом месте нельзя оставаться. Тем более в эту ночь!

– Так что это было? – одновременно спросили с нескольких сторон. И тут же все начали говорить одновременно, как будто поддавшись какому-то единому порыву. Но во всех голосах чувствовалась неуверенность и боязнь произнести вслух свои мысли:

– Это... это... было оно! – пробормотал один из солдат, явно потерявший на какое-то время способность рассуждать здраво.

– Как будто волк... но не волк! – содрогнувшись, вставил другой.

– Бесполезно стрелять в него обычными пулями, – заметил третий более спокойным голосом.

– Не стоило нам в такую ночь выезжать! Воистину, мы заработали свою тысячу марок! – воскликнул четвертый.

Через какое-то время раздался еще один голос:

– На расколоте мрамора кровь. Она не могла туда попасть с молнией. А что с этим... он цел? Посмотрите на его горло. Удивительно, друзья, волк лежал на нем и согревал, чтобы он не замерз.

Офицер осмотрел мое горло и сказал:

– Все в порядке. Кожа не прокушена. Что бы это значило? Если бы не лай волка, мы бы его не нашли.

– А куда подевался волк? – спросил мужчина, который поддерживал мою голову и который, похоже, был испуган меньше остальных: руки его держали меня крепко и не дрожали. На рукаве была нашивка унтер-офицера.

– Домой отправился, – ответил ему солдат, у которого на длинном лице не осталось ни кровинки и который трясся от ужаса, оглядываясь по сторонам. – Здесь достаточно могил, в которые он мог залечь. Уедем, друзья... уедем как можно скорее из этого проклятого места.

Офицер, отдавая приказы своим людям, приподнял меня, потом несколько человек усадили меня на лошадь. Военный запрыгнул на седло позади, обхватил меня руками, скомандовал ехать, и мы быстрым военным порядком поскакали прочь от кипарисов.

Мой язык все еще отказывался слушаться, поэтому я молчал. Должно быть, я уснул, потому что, когда в следующий раз открыл глаза, оказалось, что я уже стою на земле и с обеих сторон меня поддерживают солдаты. Было уже светло, почти как днем, а на севере тонкая красная, как кровавый след, полоса солнечного света отражалась от снежной глади. Офицер приказал солдатам никому ничего не рассказывать о том, что они увидели ночью, они должны были просто говорить, что нашли неизвестного англичанина, которого охраняла большая собака.

– Собака? Никакая это была не собака, – вмешался солдат, который был испуган больше остальных. – Уж я-то отличу волка от собаки.

– Собака, – холодно повторил молодой офицер.

– Собака! – усмехнулся еще один солдат. Было видно, что храбрость его росла одновременно с восходом солнца. Кивнув в мою сторону, он сказал: – Взгляните на его горло. Разве это похоже на работу собаки, командир?

Машинально я поднял руку и, прикоснувшись к горлу, вскрикнул от боли. Меня обступили солдаты, чтобы получше рассмотреть, некоторые для этого даже спрыгнули с лошадей. И снова раздался чеканный голос молодого офицера:

– Я сказал, собака. Если мы зайкнемся о чем-то другом, нас поднимут на смех.

Потом меня опять усадили на лошадь, на этот раз позади одного из солдат, и мы въехали в предместья Мюнхена. На пути нам попала свободная коляска, меня пересадили в нее и отправили в гостиницу «Четыре времени года». Со мной поехал молодой офицер, в сопровождении одного всадника, остальные отправились в казармы.

Когда мы прибыли в гостиницу, господин Дельбрюк так стремительно выбежал навстречу, что стало ясно – он наблюдал из окна за дорогой в ожидании моего возвращения. Поддерживая обеими руками, он заботливо повел меня к двери. Офицер взял под козырек и развернулся, чтобы уйти, но я остановил его и настоял на том, чтобы он зашел ко мне. За бокалом вина я горячо поблагодарил его самого и его мужественных товарищей за свое спасение. Он просто сказал, что для него большим удовольствием было помочь мне и что благодарить нужно господина Дельбрюка, который позаботился об организации поисковой группы. После этих непонятных слов владелец гостиницы улыбнулся, а офицер, сказав, что должен идти, откланялся.

– Но, господин Дельбрюк, – удивился я, – каким образом вам удалось организовать на мои поиски солдат, и зачем?

Он скромно пожал плечами, мол, что тут такого? на его месте так поступил бы каждый! и сказал:

– Мне просто повезло получить у командира полка, в котором я служил, разрешение набрать группу добровольцев.

– Но как вы узнали, что я заблудился? – спросил я.

– Вернулся кучер с остатками коляски, которая перевернулась, когда понесли лошади.

– Но вряд ли вы стали бы организовывать поисковую группу из солдат только по этой причине, не так ли?

– Разумеется! – Он согласно кивнул головой. – Еще до возвращения кучера я получил телеграмму от боярина, у которого вы собираетесь гостить.

С этими словами он достал из кармана телеграмму и протянул ее мне. Вот она дословно:

«Быстриц,

Позаботьтесь о моем госте. Мне чрезвычайно важно, чтобы с ним ничего не произошло. Если что-нибудь все-таки случится или если он пропадет, не пожалейте усилий, чтобы найти его как можно скорее

*и обеспечить ему безопасность. Он – англичанин, поэтому склонен к безрассудной смелости. Волки, снег и ночь часто бывают небезопасны. Не теряйте ни секунды, если заподозрите, что ему грозит опасность. Все ваши затраты будут возмещены вам сполна.
Дракула»*

Пока я читал телеграмму, комната вокруг меня словно заходила ходуном. Если бы внимательный метрдотель не подхватил меня, я бы, наверное, не устоял на ногах. Все это было так странно, так жутко и невероятно, что мне показалось, будто я оказался в центре противостояния двух противоборствующих сил. Эта мысль меня ошеломила. Несомненно, я находился под какой-то загадочной защитой. Из далекого края в мгновение ока пришло послание, благодаря которому я не замерз насмерть и не погиб от волчьих зубов.

Дом судьи

Когда до экзамена оставалось совсем немного времени, Малькольм Малькольмсон решил куда-нибудь поехать и иметь возможность углубиться в чтение книг, не думая о том, что в любую минуту тебя могут отвлечь. Боясь искушений, поджидающих гостя в приморских городах, и не испытывая никакого желания полностью отгородиться от мира в деревенской глуши (поскольку ему давно уже было известно то волшебное воздействие, которое оказывает на него сельская идиллия), он пришел к выводу, что нужно ехать в какой-нибудь маленький тихий городок, где просто не на что будет отвлекаться. Он не стал обращаться за советом к друзьям, поскольку был уверен, что каждый стал бы предлагать то место, где бывал сам и где у него остались знакомства. Раз уж Малькольмсон решил на время избавиться себя от общества друзей, у него уж точно не было желания обременять себя их вниманием, и поэтому он решил выбрать подходящее место самостоятельно. Уложив в дорожную сумку кое-какую одежду и все книги, которые могли бы понадобиться, он выбрал из расписания поездов первое попавшееся незнакомое название и заказал билет.

Когда после трехчасовой поездки Малькольмсон высадился в Бенчерче, он мысленно похвалил себя за предусмотрительность, благодаря которой теперь никто не знает, где он находится, и, следовательно, никак не сможет помешать ему углубиться в занятия. Он напрямик направился в единственную в этом сонном городишке гостиницу и снял номер на одну ночь. Бенчерч – ярмарочный город, поэтому раз в три недели он превращался в настоящий муравейник, но остальные двадцать один день месяца он был не привлекательнее пустыни. Следующий после приезда день Малькольмсон посвятил поискам жилья более изолированного, чем то, которое могла предложить даже такая тихая гостиница, как «Добрый странник». Нашлось лишь одно место, которое полностью отвечало всем его представлениям о покое. Вообще-то «покой» – слово не совсем подходящее. «Полная оторванность от мира», вот единственное выражение, которое в должной мере передает степень уединенности этого места. Это был старый ветхий массивный дом, какие строили еще при Якове Первом, с тяжелыми фронтоном и амбразурами окон, на удивление маленьких и находящихся на высоте необычной для зданий подобной постройки, к тому же он был окружен высокой мощной кирпичной стеной. Действительно, после осмотра дом показался больше похожим на укрепленный маленький форт, чем на обычное жилье. Впрочем, все это лишь порадовало Малькольмсона. «Вот, – думал он, – как раз такое место, которое я искал. Если получится поселиться здесь, я буду счастлив».

Его радости не было предела, когда он окончательно убедился, что в настоящее время дом пустует.

В почтовом отделении он узнал адрес агента и немало удивил того, высказав пожелание снять часть старого дома. Мистер Карнфорд, местный юрист и агент по сдаче и найму жилья, был настоящим джентльменом старой закалки, он откровенно признался в том, что очень рад, что кто-то захотел пожить в этом доме.

– Сказать по правде, – заметил он, – на месте владельцев дома я бы с большим удовольствием предложил кому-нибудь пожить в этом доме несколько лет совершенно бесплатно, чтобы местные привыкли к мысли о том, что он обитаем. Видите ли, дом так давно пустует, что у соседей сложилось против него совершенно нелепое предубеждение, которое если и можно развеять, то только тем, что в него вселится... – тут он бросил быстрый взгляд на Малькольмсона, – такой человек, как вы, ученый, которому необходимо некоторое время пожить в тишине.

Малькольмсон не счел нужным расспрашивать агента о «нелепом предубеждении», он понимал, что если ему понадобится разузнать об этом подробнее, больше информации он добудет, если обратится к владельцам других сдаваемых внаем помещений. Он заплатил за три

месяца вперед, получил квитанцию и имя одной пожилой женщины, которая, возможно, согласится «помогать» ему, и ушел с ключами в кармане.

Из конторы агента он направился напрямиком к хозяйке гостиницы, жизнерадостной и добрейшей женщине, и попросил ее посоветовать, что ему может понадобиться из вещей и какими продуктами стоит запастись, прежде чем обосноваться на новом месте. Когда Малькольмсон начал рассказывать, в какой именно дом он собрался переезжать, она взволнованно всплеснула руками.

– Только не в дом судьи! – воскликнула она, сильно побледнев.

Он описал ей местоположение дома, сказав, что не знает его названия, и, когда закончил, хозяйка гостиницы сказала:

– Так и есть... так и есть, это именно то место! Дом судьи, это точно.

Он попросил рассказать о доме, почему он так называется и что в нем такого страшного. Она поведала, что здешние жители дали такое название очень давно (насколько именно давно, она не знала, так как сама была из другой части страны, но думала, что лет сто назад, если не больше), потому что когда-то в нем жил судья, который прославился жестокостью приговоров и суровостью по отношению к заключенным во время ассизов³ и поэтому вынужден был жить в постоянном страхе. Чем сам дом заслужил такую дурную славу, она не могла сказать. Хозяйка сама часто задавала этот вопрос, но никто ей так и не ответил. Несомненно было одно: общее ощущение того, что было в нем *что-то*. И даже за все деньги Дринквотерс-банка она бы не согласилась остаться сама в этом доме и на час. Закончив взволнованную речь, хозяйка извинилась за свою несдержанность.

– Не годится ни мне, ни такому юному джентльмену, как вы, если позволите мне так вас называть, жить в этом доме взаперти. Если бы вы были моим сыном, простите меня за то, что я это говорю, я бы не разрешила вам остаться там даже на одну ночь, даже если бы мне пришлось для этого отправиться туда и начать звонить в большой сигнальный колокол, который находится там на крыше!

Бедная женщина была так искренна и так убеждена в своих словах, что Малькольмсон, хоть и удивился изрядно, был тронут. Он сказал, как высоко ценит ее заботу о нем, и добавил:

– Но, дорогая миссис Уитхем, не стоит так обо мне волноваться! Человеку, который готовится к сдаче экзаменов для получения отличия по математике в Кембридже, и так есть о чем подумать, и всякие там «что-то» его не касаются. Более того, работа его слишком прозаична и точна, чтобы допускать существование каких-либо тайн. Гармоническая прогрессия, законы комбинаторики и эллиптические функции – вот загадки, которые волнуют меня!

Миссис Уитхем любезно согласилась организовать его сборы, а сам Малькольмсон отправился к поденнице, которую ему порекомендовал агент. Когда он через пару часов вместе с ней прибыл к дому судьи, там он увидел саму миссис Уитхем в компании с несколькими слугами и посыльными, держащими в руках разнообразные свертки и корзины, и мебельщика, который привез на машине новую кровать. Его присутствие миссис Уитхем объяснила тем, что если в доме со столами и стульями, скорее всего, проблем не возникнет, то на кровати, которую не проветривали уже лет пятьдесят, спать молодому человеку никак не годится. Было совершенно очевидно, что ей ужасно хочется взглянуть на дом изнутри, и несмотря на нескрываемый страх перед «чем-то», заставлявший ее при каждом шорохе хвататься за руку Малькольмсона, от которого она не отходила ни на шаг, миссис Уитхем осмотрела каждую комнату.

Внимательно изучив весь дом, Малькольмсон решил обосноваться в большой гостиной, размеры которой соответствовали его требованиям. Миссис Уитхем вместе с миссис Демпстер, поденницей, занялись расстановкой вещей. Когда были принесены и распакованы корзины, Малькольмсон увидел, что добрая миссис Уитхем позаботилась и о том, чтобы обеспечить его

³ Ассизы – выездные сессии суда присяжных.

едой из собственной кухни, которой хватит ему на несколько дней. Перед тем как уйти, она долго желала ему всего самого наилучшего и, уже стоя в дверях, обернулась и сказала:

– А еще, сэр, комната ведь большая, да и из окон дует, в общем, мне кажется, что вам неплохо было бы на ночь ставить вокруг кровати одну из вон тех ширм... Хотя, честно говоря, я бы, наверное, умерла со страху, если бы меня заперли в доме, в котором полно... «всякого»; где, того и гляди, кто-то выглянет из-за угла или свесит голову со шкафа и станет смотреть на тебя пустыми глазами!

Образ, порожденный собственным воображением, оказался слишком ярким для ее нервов, и она опрометью бросилась вон из этого жуткого места.

Миссис Демпстер лишь презрительно фыркнула вслед хозяйке гостиницы и заявила, что все призраки Англии, вместе взятые, ей не страшны.

– Я могу рассказать вам, что такое эти призраки, сэр, – сказала она. – Призраки – это все что угодно... но только не настоящие призраки! Крысы, мыши, жуки разные, скрипучие двери, старый шифер, треснувшие стекла, тугие ручки ящиков письменного стола, которые остаются торчать, когда вы дергаете за них днем, а потом падают посреди ночи. Посмотрите на деревянные панели на стенах! Видите, какие они старые? Им сотни лет! Думаете, там не живут крысы и жуки? Может быть, вы надеетесь, что вам удастся их увидеть? Крысы – вот ваши привидения, можете мне поверить. А привидения – это и есть крысы и ничего больше, о другом можете и не думать!

– Миссис Демпстер, – с почтительным поклоном серьезно сказал Малькольмсон. – Вы знаете намного больше любого выпускника Кембриджа, даже того, кто занял первое место на экзамене по математике! И разрешите мне в знак уважения вашего очевидного ума и здравомыслия оставить вам этот дом и позволить вам пожить в нем два месяца из трех оплаченных мною, поскольку мне для моих целей будет вполне достаточно и четырех недель.

– Премного благодарна вам, сэр! – ответила она. – Но я не могу ночевать не в своем доме. Видите ли, я живу на средства благотворительного фонда Гринхау, и если хоть одну ночь я проведу не в своей квартире, мне будет отказано в помощи. Это правило соблюдается очень строго, и на мое место слишком много желающих, чтобы я могла рисковать. В остальном же, сэр, с радостью готова приходить и помогать вам, пока вы будете оставаться здесь.

– Добрая женщина, – поспешил сказать Малькольмсон. – Я прибыл сюда в поисках уединения, и, поверьте, я готов снять шляпу перед покойным господином Гринхау за то, что он так внимательно отнесся к организации работы своего достойнейшего учреждения, что я, к сожалению, лишаюсь возможности поддаться искушению проводить в вашем обществе больше времени! Сам святой Антоний не проявил бы большей выдержки в этом вопросе.

– Ах вы, молодые джентльмены, – рассмеялась пожилая женщина. – Ничем вас не испугать. Здесь уж, вероятно, никто не потревожит вашего уединения.

И она принялась за уборку. Когда стало темнеть и Малькольмсон вернулся с прогулки (отправляясь побродить по какому-нибудь тихому месту, он всегда брал с собой одну из своих ученых книг), оказалось, что в комнате подметено и убрано, в старом камине горит огонь, зажжена лампа и накрыт стол, на котором выставлены тарелки с превосходными блюдами, приготовленными из запасов, предоставленных миссис Уитхем.

– Вот что значит жить с комфортом! – сказал он, довольно потирая руки.

Покончив с ужином, Малькольмсон отодвинул поднос с пустыми тарелками на другой край большого дубового стола, достал книги, подбросил дров в камин, убавил свет в лампе и погрузился в работу. Над книгами он просидел до самой ночи. Только около одиннадцати часов ненадолго оторвался, чтобы освежить камин, подлить масла в лампу и сделать себе чашку чая. Он всегда любил чай, еще в колледже у него появилась привычка браться за работу и чаевничать очень поздно. Краткий отдых доставил ему огромное удовольствие, он ощутил упоительную, прямо-таки сладостную расслабленность. Огонь в камине запылал с новой силой, отбра-

сывая гигантские тени через всю огромную старинную гостиную. И тут Малькольмсон впервые начал замечать шум, который производили крысы.

«Их точно не могло быть там раньше, когда я читал, – подумал он. – Я бы это наверняка услышал!»

Когда звуки усилились, он только больше уверился в том, что шум этот появился недавно. Несомненно, поначалу крысы испугались присутствия человека и света от камина и лампы, но со временем осмелели и стали вести себя так, как привыкли.

И какими беспокойными они оказались! Какие странные шумы производили! Они бегали, что-то грызли, царапались за обшивкой стен, в потолке и под полом. Малькольмсон лишь усмехнулся, вспомнив слова миссис Демпстер о том, что «привидения – это крысы, а крысы – это привидения». Чай начал уже оказывать свое возбуждающее воздействие на нервные и мыслительные процессы, и Малькольмсон с удовольствием подумал об очередном предстоящем этапе работы, который займет у него все время до самого утра. Успокоенный этой мыслью, он решил, что может позволить себе уделить немного времени на более внимательный осмотр комнаты. Взяв в руку лампу, он стал ходить по гостиной, удивляясь, как такой необычный и красивый старинный дом мог так долго пустовать. Дубовые панели на стенах были украшены искусной резьбой, а вокруг окон и дверей рисунки были просто великолепны. На стенах висело несколько полотен, но они были покрыты таким слоем пыли и грязи, что, как Малькольмсон ни всматривался, высоко над головой поднимая руку с лампой, он так и не смог разобрать, что на них изображено. Обходя комнату, он то и дело видел трещины и норы, из которых на него смотрели поблескивающие на свету крысиные глаза, но через секунду крысиная морда исчезала, слышался писк и топот маленьких лапок. Однако больше всего его удивила веревка большого набатного колокола, который был установлен на крыше. Она свисала в углу комнаты по правую сторону от камина. Он подтащил поближе к огню огромное кресло с высокой резной дубовой спинкой и сел выпить последнюю чашку чая.

Когда с чаем было покончено, он бросил в камин несколько поленьев и вернулся к работе, примостившись на углу стола левым боком к огню. Какое-то время бесконечная крысиная беготня его немного раздражала, но потом он перестал замечать шум, как человек перестает замечать тиканье часов или грохот водного потока, и так погрузился в работу, что весь мир, кроме задачи, которую он пытался решить, перестал для него существовать.

Внезапно он поднял голову. Математическая головоломка все еще не была решена, но в воздухе запахло приближающимся рассветом. Крайне неприятный запах для человека, который никак не может справиться с поставленной задачей. Крысиный шум стих. Более того, ему показалось, что шум прекратился недавно, и именно наступившая тишина оторвала его от работы. Огонь в камине приутих, но по-прежнему озарял комнату густым красным светом. Хоть Малькольмсон и был человеком сдержанным и даже хладнокровным, подняв глаза, он чуть не подпрыгнул на месте.

На большом дубовом кресле с высокой резной спинкой, стоявшем справа от камина, сидела огромная крыса и смотрела на него злыми глазками. Он немного подался вперед, как будто собираясь испугнуть ее, но крыса даже не пошевелилась. Тогда он сделал вид, что собирается бросить в нее чем-то. И снова крыса не дрогнула, только оскалила пасть, обнажив большие белые зубы, и ее жестокие глаза заблестели еще более угрожающе.

Малькольмсон удивился. Схватив стоящую у камина кочергу, он бросился к крысе, чтобы убить ее, но она не стала дожидаться, и с писком, похожим на облеченный в звуковую форму сгусток ненависти, соскочила на пол, потом запрыгнула на колокольную веревку, быстро-быстро поползла вверх и растворилась под потолком в темноте, которую свет лампы с зеленым колпаком не мог рассеять. Тут же, как это ни удивительно, комната снова наполнилась громким шумом крысиной возни.

К этому времени Малькольмсон уже настолько отключился от задачи, что, услышав донесшийся со двора крик петуха, возвещавший о приходе утра, решил не возвращаться к ней, а отправился в кровать и заснул.

Спал он так крепко, что даже не слышал, когда пришла миссис Демпстер и принялась за уборку. Лишь когда она закончила, приготовила завтрак и постучала в створку ширмы, огорожившую его кровать, Малькольмсон проснулся. Он все еще чувствовал легкую усталость после ночного бдения над книгами, но чашка крепкого чая вполне освежила его, и он, прихватив книгу, отправился на утреннюю прогулку. Помимо книги он запасся еще и сэндвичами на тот случай, если у него возникнет желание погулять подольше. Он нашел тихое место под высокими вязами недалеко от города, где и провел большую часть дня, изучая Лапласа. По пути домой он заглянул к миссис Уитхем, чтобы поблагодарить ее за заботу. Она как раз находилась в своем уединенном рабочем кабинете и, завидев его в ромбовидной формы окно, вышла ему навстречу и пригласила зайти. Внимательно осмотрев его с ног до головы, она покачала головой:

– Не стоит вам так переутомляться, сэра. Вы сегодня утром очень бледны. Слишком тяжелая работа в позднее время никому на пользу не идет! Но расскажите, как вы провели эту ночь? Надеюсь, все в порядке? Клянусь, у меня от сердца отлегло, когда сегодня утром миссис Демпстер зашла ко мне и сказала, что у вас все хорошо и вы крепко спите.

– Да, у меня все хорошо, – улыбнулся он. – Пока «что-то» меня не беспокоило. Только крысы, они там устроили настоящий цирк, доложу я вам. Одна старая чертовка даже уселась на мое кресло у камина и не хотела с него убираться, пока я не взял в руки кочергу. Потом эта тварь взобралась по веревке колокола куда-то на стену или потолок... я не рассмотрел, куда именно, потому что было очень темно.

– Господь всемогущий! – воскликнула миссис Уитхем. – Чертовка, да еще и на кресле у камина! Прошу вас, сэра, будьте осторожны, будьте осторожны! В каждой шутке есть доля правды.

– Что вы хотите этим сказать? Богом клянусь, я вас не понимаю.

– Старая чертовка! А может быть, сам черт? Поймите, сэра, не стоит смеяться, – сказала она, потому что Малькольмсон от души захохотал. – Вы, молодежь, всегда смеетесь над тем, от чего старики приходят в ужас. Ничего, сэра, ничего. Смейтесь на здоровье. А я буду молить Бога, чтобы вам никогда не пришлось плакать. – И добрая женщина, глядя на его веселье, сама начала улыбаться, на короткое время забыв о страхах.

– Ох, простите меня! – сказал Малькольмсон, отдышавшись. – Не подумайте, что я дурно воспитан. Просто ваша идея о том, что вчера ночью на моем кресле сидел сам дьявол... – И тут он опять залился смехом. Насмеявшись вдоволь, он отправился домой обедать.

В этот день крысиная возня началась несколько раньше. Даже правильнее будет сказать, что она началась еще до его прихода и лишь поутихла на короткое время с его появлением. Пообедав, студент немного посидел у огня, покурил, потом, убрав со стола, принялся за работу. В этот раз крысы беспокоили его чаще, чем прошлой ночью. Как же громко они возились! И сверху, и снизу, и со всех сторон! Как пищали, царапались и грызли стены! Как, постепенно теряя страх, высовывали морды из нор, щелей, трещин и прорезей в деревянных панелях! В мерцающем свете камина их глаза светились, как маленькие лампы, но он, очевидно, уже привык к их обществу, поскольку глаза их не казались ему страшными, его даже трогала их игривость. То и дело самые храбрые из них пробегали через комнату или вдоль стен. Время от времени, когда шум начинал уж слишком отвлекать, Малькольмсон хлопал по столу рукой или громко говорил «Кыш! Кыш!», и тогда они разбегались по дырам.

Так прошла первая половина ночи. Несмотря на шум, Малькольмсон все больше и больше уходил в работу.

Вдруг он оторвался от книги. Так же, как прошлой ночью, он почувствовал, как внезапно стихли все звуки. Не было слышно ни писка, ни царапанья. Воцарилась прямо-таки могильная тишина. Вспомнив о странном вчерашнем происшествии, он машинально посмотрел на кресло рядом с камином. И в эту секунду его охватило очень странное чувство.

Там, на большом старинном кресле с высокой резной спинкой у камина, сидела та же самая огромная крыса и наблюдала за ним злыми глазами.

Он схватил первое, что попало под руку (это оказался логарифмический справочник), и швырнул им в крысу. Поскольку прицелиться как следует у него не было времени, книга полетела далеко от цели, и крыса даже не пошевелилась. Поэтому вновь было проделано вчерашнее упражнение с кочергой, и опять крыса в последнюю секунду успела вскарабкаться наверх по колокольной веревке. Как ни странно, и в этот раз с бегством странной крысы остальная крысиная компания вернулась к своим обычным делам. Сегодня, как и вчера, Малькольмсону не удалось заметить, в какую часть комнаты устремилась крыса, поскольку зеленый колпак лампы не давал свету проникнуть в темноту в верхней части комнаты, а огонь в камине горел не слишком ярко.

Посмотрев на часы, он увидел, что была уже почти полночь. Поэтому он не стал расстраиваться из-за этого крысиного *дивертисмента*, подбросил в камин дров и заварил ночной чай. Он успел проделать хорошую работу, поэтому решил, что заслужил сигарету. Усевшись на дубовое кресло у камина, он с наслаждением закурил. Втягивая табачный дым, Малькольмсон подумал, что неплохо было бы узнать, куда прячется крыса, поскольку у него появились определенные планы на завтрашний день, в которых не последнее место занимало приобретение хорошей крысоловки. Соответственно он зажег еще одну лампу и установил ее так, чтобы она освещала правый от камина угол комнаты. Затем собрал все свои книги и разложил их на столе в таком положении, которое позволяло при надобности без особого труда хватать их и метать в обнаглевшую тварь. Напоследок он укрепил конец колокольной веревки на столе, придавив его лампой. Взяв в руки веревку, он не мог не заметить, какой мягкой и гибкой она была, хоть и казалась очень прочной. Если вспомнить, как долго она не была в употреблении, это вызывало еще большее удивление. «На такой веревке можно и человека повесить», – подумал он. Покончив с приготовлениями, он окинул взглядом комнату и удовлетворенно сказал:

– Ну вот, дружок, теперь, наверное, мы кое-что о тебе узнаем!

После этого он вернулся к своей работе, и если, как и раньше, поначалу его беспокоил шум, производимый крысами, то вскоре он с головой ушел в теоремы и задачи.

И вновь внимание его было резко отвлечено. На этот раз это была не внезапно наступившая тишина, а шевеление веревки и движение лампы. Не поворачивая головы, он скосил глаза в сторону, убедился, что арсенал из книг находится под рукой, и лишь после этого прошелся взглядом по веревке. Он успел заметить, как крыса-переросток спрыгнула с веревки на кресло, умостила на нем и впиалась в него глазами. Правой рукой он взял одну из книг и, тщательно прицелившись, метнул в крысу. Та молниеносно отскочила в сторону и увернулась от снаряда. Тогда он бросил в нее вторую книгу, третью, но ни разу не попал в цель. Наконец он встал и замахнулся очередной книгой, тогда крыса пискнула и, похоже, испугалась. Это придало Малькольмсону решимости, книга полетела в сторону кресла и с глухим звуком опустилась прямо на крысу. Животное в ужасе взвизгнуло, бросило на своего гонителя полный ненависти взгляд, взобралось на спинку кресла, оттуда гигантским прыжком заскочило на веревку и молниеносно вскарабкалось по ней вверх. Лампа от резкого натяжения веревки дернулась, но благодаря своему изрядному весу устояла и не перевернулась. Малькольмсон не спускал глаз с крысы. Свет второй лампы позволил ему заметить, что тварь пробежала по деревянной панели и нырнула в дыру в одной из висевших на стенах огромных картин, полностью покрытых слоем пыли и грязи.

– Утром осмотрю жилище своего дружка, – сказал студент, отправляясь к креслу собирать книги. – Третья картина от камина. Надо не забыть. – Он стал одну за другой поднимать книги, комментируя их названия. – «Конические сечения» его не проняли. «Циклоидальные колебания функций» тоже. И «Фундаментальные принципы», и «Кватернионы», и «Термодинамика». Интересно, чем же я в него попал?

Малькольмсон подобрал книгу, посмотрел на обложку и обомлел. Лицо его сделалось бледным, как полотно. Поежившись, он растерянно посмотрел по сторонам и пробормотал:

– Библия, которую дала мне мать! Какое странное совпадение.

Потом он снова принялся за работу, а крысы в стенах возобновили обычную возню. Впрочем, они не беспокоили его, наоборот, теперь в их обществе ему было даже как-то уютнее. Вот только сконцентрироваться на задаче никак не удавалось, и после нескольких безуспешных попыток снова взяться за тему, изучение которой было прервано появлением гигантской крысы, он отчаялся и отправился в кровать. В этот миг через восточное окно в комнату проник первый луч восходящего солнца.

Спал он глубоким, но беспокойным сном, полным сновидений, и когда поздно утром миссис Демпстер разбудила его, он проснулся в скверном расположении духа и даже несколько минут никак не мог сообразить, где находится. Первые же его слова, обращенные к служанке, весьма удивили ее:

– Миссис Демпстер, я бы хотел, чтобы, когда я сегодня пойду на прогулку, вы взяли лестницу и вытерли пыль или вымыли эти картины... особенно третью от камина... Мне бы хотелось знать, что на них изображено.

Позже, когда Малькольмсон гулял с книгами в тенистой аллее, к нему вернулось вчерашнее приподнятое настроение, чему немало способствовали яркое солнце и хорошая погода. К тому же он заметил, что его чтение продвигается весьма успешно. Найденное решение нескольких не поддававшихся ранее задач его полностью удовлетворяло, так что в гостиницу «Добрый странник» он зашел, прямо-таки сияя от счастья. Оказалось, что миссис Уитхем не одна. В уютной гостиной сидел незнакомец, которого хозяйка заведения представила ему как доктора Торнхилла. Волнение доброй женщины было очевидно. Приняв во внимание тот факт, что доктор сразу же стал задавать ему вопросы, Малькольмсон пришел к выводу, что его присутствие здесь не случайно. Поэтому он сказал прямо:

– Доктор Торнхилл, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, если вы согласитесь сначала ответить на один мой.

Доктор удивился, но, улыбнувшись, заявил без колебаний:

– Идет! Слушаю вас.

– Это миссис Уитхем попросила вас поговорить со мной?

Миссис Уитхем вспыхнула и отвернулась, а доктор Торнхилл на мгновение растерялся, но, поскольку был человеком открытым и искренним, то ответил честно:

– Да, это так, но она не хотела, чтобы вы об этом узнали. Очевидно, это моя вечная поспешность выдала нас. Миссис Уитхем сказала, что очень переживает из-за того, что вы живете в этом доме один, и думает, что вы пьете слишком много крепкого чая. Она попросила, чтобы я, как врач, посоветовал, если это возможно, отказаться от чая и работы по ночам. В свое время я тоже был студентом, и, надо сказать, очень усердным, поэтому, мне кажется, я, некоторым образом, имею право обращаться к вам как к коллеге, и мои советы вас не обидят.

Малькольмсон, широко улыбаясь, протянул руку.

– По рукам, как говорят в Америке, – сказал он. – Я благодарю вас, и вас, миссис Уитхем, за доброе отношение ко мне. Оно заслуживает ответного хода с моей стороны. Обещаю больше не пить крепкого чая... я вообще не буду пить чай, пока вы не позволите мне, и сегодня лягу спать самое позднее в час. Этого достаточно?

– Вполне, – кивнул доктор. – А теперь расскажите нам обо всем, что вы увидели в старом доме.

И Малькольмсон в мельчайших подробностях поведал им обо всем, что произошло за последние две ночи. Довольно часто его рассказ прерывался восклицаниями миссис Уитхем, а когда он дошел до эпизода с Библией, сдерживаемые переживания хозяйки гостиницы исторглись из нее в форме крика, и лишь полная рюмка разбавленного бренди помогла ей вновь взять себя в руки. Доктор Торнхилл, слушая Малькольмсона, лишь мрачнел, и, когда рассказ был закончен, а миссис Уитхем приведена в чувство, он спросил:

– Крыса всегда поднималась по веревке набатного колокола?

– Всегда.

– Я полагаю, вам известно, – сказал доктор, немного помолчав, – что из себя представляет эта веревка?

– Нет!

– Это именно та веревка, – медленно сказал доктор, – на которой вешали всех, кого безжалостный судья приговаривал к смерти!

В эту секунду раздался очередной крик миссис Уитхем, и ее снова пришлось приводить в чувство. Малькольмсон, взглянув на часы, увидел, что время уже близится к обеду, поэтому не стал дожидаться, пока она окончательно придет в себя, и отправился домой.

Когда к миссис Уитхем вернулась ясность ума, она чуть не набросилась на доктора, требуя объяснить, зачем он заставил бедного молодого человека думать о таких ужасных вещах.

– Он и так уже натерпелся! – добавила она, на что доктор Торнхилл ответил:

– Дорогая мадам, я это сделал с определенной целью! Я хотел привлечь его внимание к колокольной веревке и заставить его думать только о ней. Возможно, он переутомлен и слишком много времени проводит за книгами, хотя, должен заметить, выглядит он вполне здоровым, как физически, так и умственно. Но крысы... да еще эта идея по поводу дьявола... – Доктор покачал головой и продолжил: – Мне бы следовало пойти к нему и провести эту ночь с ним, но, предложи я ему это, он бы наверняка обиделся. Возможно, ночью у него возникает некий страх или галлюцинация, если это произойдет, я хочу, чтобы он потянул за эту веревку. Как только это случится, мы это услышим и сможем вовремя помочь ему. Сегодня я собираюсь не ложиться допоздна и быть начеку. Не тревожьтесь, если до наступления утра Бенчерч услышит набат.

– О, доктор, что это значит? Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать следующее: возможно, даже, скорее, вероятно, сегодня ночью мы услышим звон набатного колокола из дома судьи! – И с этими словами доктор с многозначительным и загадочным видом удалился.

Придя домой, Малькольмсон увидел, что появился несколько позже обычного времени, и миссис Демпстер удалилась: благотворительный фонд Гринхау – не та организация, правилами которой можно пренебрегать. Он с удовольствием отметил, что в комнате чисто и убрано, что в камине приятно потрескивают дрова. Этим вечером было холоднее, чем можно бы ожидать в апреле, к тому же ветер дул с такой все нарастающей силой, что можно было не сомневаться – ночью будет буря. С его приходом крысы на несколько минут притихли, но вскоре, свыкшись с присутствием человека, опять взялись за свое. Он был рад услышать шум, который делался для него каким-то родным, и мысли его обратились к тому странному факту, что крысы переставали шуметь только тогда, когда появлялась та, другая, гигантская крыса со злобными глазами. Горела только лампа с зеленым колпаком, так что потолок и верхняя часть комнаты оставались в темноте, и поэтому приветливый свет камина, который освещал пол и белоснежную скатерть на столе, казался уютным и веселым. Малькольмсон бодро приступил к обеду и с большим аппетитом проглотил все, что было приготовлено заботливой миссис Демпстер. Покончив с едой и выкурив сигарету, он решительно взялся за работу с твердым намерением

не отвлекаться ни на что. Вспомнив обещание, данное доктору, он решил использовать имеющееся в его распоряжении время с максимальной пользой.

После примерно часа усердного труда его мысли стали отвлекаться от книг. Это было вызвано не зависящими от него обстоятельствами, оказывающими воздействие на его внимание и нервное состояние. К этому времени ветер уже превратился в бурю, а буря стала настоящим ураганом. Хоть старый дом и был крепок, казалось, что он весь сотрясается до самого основания. Безумный ветер гудел и выл в его многочисленных дымоходах, старых фронтонах, издавал странные потусторонние звуки в пустых комнатах и коридорах. Даже большой колокол на крыше, должно быть, ощутил силу ветра, поскольку его веревка то поднималась, то опускалась, будто колокол передвигался с места на место. Гибкая веревка скользила по дубовому полу с жутким глухим шорохом.

Прислушиваясь к этому звуку, Малькольмсон вспомнил слова доктора о том, что «это именно та веревка, на которой вешали всех, кого безжалостный судья приговаривал к смерти». Он подошел к камину, взял в руки конец веревки и стал его рассматривать. Этот предмет пробуждал какой-то неестественный интерес. Глядя на него, он попытался представить себе, кем были жертвы жестокого судьи и почему у него возникло желание держать у себя дома эту жуткую вещь. Пока Малькольмсон держал веревку, она периодически то натягивалась, то ослабевала, что было вызвано покачиванием колокола, но потом появилось новое ощущение, какая-то дрожь, словно по ней что-то перемещалось.

Непроизвольно взглянув вверх, Малькольмсон увидел огромную крысу, которая медленно ползла по веревке по направлению к нему, не сводя с него горящих глаз. Выпустив из рук веревку, он отскочил назад и выругался, а крыса развернулась и снова вскарабкалась наверх, и в ту же секунду до сознания Малькольмсона дошло, что шум, издаваемый остальными крысами, который на некоторое время прекратился, снова возобновился.

Все это заставило его задуматься, и он вспомнил, что собирался обследовать логово крысы и взглянуть на картины, но ничего этого так и не сделал. Малькольмсон зажег вторую лампу, на которой не было колпака, и, высоко подняв ее над собой, подошел к картине, висевшей третьей по правую руку от камина. Именно за ней вчера ночью спряталась крыса.

Бросив один-единственный взгляд на картину, он отскочил от нее так стремительно, что чуть не выронил лампу, и побелел как мел. Его колени задрожали, и на лбу выступили тяжелые капли пота. Его затрясло, как в лихорадке. Но Малькольмсон был молод и никогда не слыл трусом, поэтому ему удалось собраться с духом, шагнуть вперед, поднять лампу и всмотреться в картину, с которой была убрана пыль и отмыта грязь и которая теперь полностью открылась взору.

На полотне был изображен судья в алой мантии с горностаевой оторочкой. На его строгом лице застыло злое, даже жестокое выражение. Это было лицо коварного, мстительного человека: чувственный рот, горбатый красноватый нос, по форме напоминающий клюв хищной птицы. Лицо же было мертвенно-бледным. В сверкающих глазах читалась ужасающая злость. Глядя на них, Малькольмсон похолодел, потому что они были точной копией глаз огромной крысы. Лампа чуть не выпала у него из руки, когда он заметил, что из дыры в углу картины за ним наблюдают злобные глаза самой крысы, и ощутил, что прекратилась возня остальной серой братии. Однако он взял себя в руки и продолжил изучение полотна.

Судья сидел в большом дубовом кресле с высокой резной спинкой, расположенном по правую руку от каменного камина, и в углу с потолка свешивалась веревка, конец которой свернулся в кольцо на полу. С чувством, больше всего похожим на ужас, Малькольмсон узнал в изображении комнату, в которой находился сам. Он испуганно оглянулся, как будто ожидал кого-то увидеть у себя за спиной.

Потом посмотрел на угол камина и, громко вскрикнув, выронил лампу из рук.

Там, в кресле судьи, рядом со свисающей веревкой сидела крыса с жестокими глазами судьи, которые в тот момент горели ярче обычного и как будто даже дьявольски улыбались. Если не брать во внимание завывание ветра, в гостиной царил тишина.

Звук упавшей лампы вывел Малькольмсона из состояния транса. К счастью, лампа была металлическая и масло не растеклось по полу. Однако возникшая необходимость наводить порядок расстроила его. Загасив лампу, он потер лоб и на секунду задумался.

«Так не пойдет! – сказал он самому себе. – Если я продолжу в том же духе, то сойду с ума. Это нужно прекращать! Я обещал доктору отказаться от чая. И он прав на все сто процентов! Нервы у меня уже совсем расшатались. Странно, что я раньше этого не замечал. Я себя прекрасно чувствовал. Ладно, теперь уже все хорошо, я больше не буду вести себя, как последний дурак».

После этого он налил себе полный бокал бренди с водой и решительно вернулся к работе.

Был уже почти час, когда он оторвался от книг, потревоженный внезапно наставшей тишиной. Ветер на улице выл и ревел громче обычного, а дождь барабанил в окно со звуком, больше напоминающим град. Но внутри ничто не издавало ни звука, по комнате разносилось лишь эхо ветра, гудящего в большом дымоходе, да иногда из трубы на горящие дрова с шипением падали несколько капель дождя. Огонь начал затухать и пылал уже не так весело, хотя все еще наполнял комнату красным свечением. Малькольмсон внимательно прислушался и услышал тонкий скрипучий звук, едва различимый. Он доносился из того угла, где висела веревка. «Наверное, это веревка трется о пол из-за того, что колокол качается», – подумал Малькольмсон.

Однако, посмотрев вверх, он в полутьме сумел различить большую крысу, которая сидела на веревке и пыталась ее перегрызть. И она уже была близка к цели, поскольку под ее зубами показались более светлые пряди. Пока он смотрел на это, крыса закончила свое дело, и веревка с глухим стуком свалилась на дубовый пол. Сама же крыса осталась висеть наподобие кисточки или шишки на оставшемся болтаться куске веревки, который теперь начал раскачиваться из стороны в сторону. На мгновение на Малькольмсона накатила еще одна волна страха, когда он подумал о том, что теперь остался без возможности воззвать к миру, если возникнет необходимость в помощи, но тут его взяла злость, и он, схватив книгу, которую до этого читал, швырнул в крысу. Выпущенный снаряд наверняка достиг бы цели, если бы крыса в этот миг не прыгнула с веревки и не шлепнулась на пол с глухим звуком. Малькольмсон тут же бросился к ней, но она метнулась в сторону и растворилась в темноте. Тут Малькольмсон понял, что на сегодня его работа закончилась, что ж, охота на крысу хотя бы внесет некоторое разнообразие в обычную однообразную рутину ночи. Поэтому он снял с лампы зеленый колпак, чтобы свет распространялся на большее расстояние, но как только он это сделал, полумрак, царивший в верхней части комнаты, рассеялся, и картины на стенах стали видны намного отчетливее, чем до того. Со своего места он увидел прямо перед собой третью по правую руку от камина картину. В изумлении он протер глаза, и после этого ему стало по-настоящему страшно. В центре картины было большое пятно неправильной формы, обнажавшее коричневый холст, который выглядел таким же свежим, как в тот день, когда его натянули на раму. Вокруг пятна все было как раньше: и кресло, и камин, и веревка, но фигура судьи исчезла.

Малькольмсон на одеревеневших от ужаса ногах медленно повернулся и затрясся как в лихорадке. Его как будто покинули силы, он потерял возможность действовать и двигаться, даже думать. Теперь он мог только смотреть и слушать.

В огромном дубовом кресле с высокой резной спинкой восседал судья, облаченный в алую мантию с горностаевой оторочкой, и смотрел на него полными ненависти глазами. Решительный жестокий рот судьи исказила злобная торжествующая улыбка, когда он поднял перед

собой черную судейскую шапку⁴. Малькольмсон почувствовал, что у него останавливается сердце, как у человека, который ожидает, что вот-вот произойдет что-то резкое и неожиданное, что может напугать насмерть. В ушах зазвенело, хотя он все еще слышал рокот бури. Сквозь вой ураганного ветра послышался другой звук: большие башенные часы на рыночной площади пробили полночь. Какое-то время, показавшееся ему бесконечностью, Малькольмсон простоял неподвижно, как каменное изваяние, с широко раскрытыми, полными ужаса глазами, и даже не дыша. Когда часы начали бить двенадцать, улыбка судьи сделалась еще более торжествующей, и с последним ударом он водрузил черную шапку себе на голову.

Медленно и важно судья поднялся с кресла и поднял с пола кусок колокольной веревки, провел им по ладони, как будто наслаждаясь прикосновением, после чего неторопливо стал завязывать на одном конце петлю. Закрепив потуже узел, он прижал петлю к полу ногой и сильно потянул веревку. Убедившись, что петля достаточно крепка, он удовлетворенно кивнул и проверил, достаточно ли легко узел скользит по веревке. После этого он, не сводя с Малькольмсона глаз, двинулся вдоль стола с противоположной от него стороны, пока не дошел до угла, после чего прыгнул к двери, отрезав Малькольмсону путь к бегству. Тут Малькольмсон почувствовал, что оказался в ловушке, и начал соображать, что же теперь делать. Что-то в глазах судьи не давало отвести от него взгляд. Малькольмсон увидел, что фигура в мантии стала приближаться, по-прежнему держась между ним и дверью. Судья поднял веревку и метнул в бедного математика петлю, как будто стараясь заарканить его. Огромным усилием воли Малькольмсон заставил себя отклониться в сторону. Он увидел, как веревка упала рядом, услышал, как она ударилась о дубовые половицы. Судья поднял веревку и попытался снова накинуть ее на шею студенту, при этом не сводил с него злобных глаз. Каждый раз с большим трудом молодому человеку удавалось увернуться от петли. Так повторялось несколько раз, причем судья не проявлял никаких признаков досады или раздражения, вызванных неудачами, казалось, что он играет, как кошка с мышкой. Наконец Малькольмсон бросил вокруг себя отчаянный взгляд. К этому времени лампа, похоже, разгорелась, и в комнате сделалось довольно светло. Он увидел, что из бесчисленных норок, щелей и трещин в стенах за ним наблюдают крысы, и от этого ему стало чуточку спокойнее. Покрутив головой, он также заметил, что короткий конец веревки, который остался болтаться под потолком, весь увешан крысами. Из-за их серых тел не было видно и квадратного дюйма веревки, а из небольшого круглого отверстия в потолке, из которого она свешивалась, выползали все новые и новые грызуны. На веревке их уже собралось столько, что под воздействием их общего веса колокол пришел в движение.

Наконец его язык соприкоснулся с чашей. Звук был не громким, но колокол только начал раскачиваться, поэтому можно было надеяться, что звон усилится.

При первом же ударе судья, который до этого не сводил глаз с Малькольмсона, посмотрел вверх, и его лицо исказило выражение адского гнева. Глаза загорелись, как угли, и он топнул ногой с такой силой, что, казалось, задрожал весь дом. Пока крысы продолжали торопливо бегать вверх и вниз по веревке, он вновь поднял руку, и в этот миг раздался ужасающий раскат грома. На этот раз он не стал бросать петлю, а, взяв ее обеими руками, двинулся прямо на жертву. И с каждым его шагом Малькольмсон терял последние остатки воли. Он уже не мог пошевелиться, когда судья, набрасывая петлю ему на шею, прикоснулся к его горлу холодными как лед пальцами. Петля затягивалась все туже. Судья подхватил одеревеневшее тело студента, перенес его к камину и поставил на дубовое кресло. Сам тоже поднялся на кресло рядом и поймал конец раскачивающейся колокольной веревки. Как только он поднял руку, крысы с писком бросились вверх и быстро исчезли в дырке на потолке. Взяв конец веревки, затянутой на шее Малькольмсона, он привязал его к свисающему с потолка обрывку, потом спустился на пол и выдернул кресло из-под ног студента.

⁴ В Англии судьи надевали черные шапки перед произнесением смертного приговора.

Как только раздался набат, на улицы города с лампами и факелами в руках вышли люди. Молчаливая толпа устремилась к дому судьи. На громкий стук в дверь никто не отозвался. Решено было взломать дверь. Толпа, возглавляемая доктором, ворвалась в большую гостиную.

Там, на веревке большого набатного колокола, висело тело несчастного математика, а с картины на стене взирал судья, на лице которого застыла зловещая улыбка.

Скво

Нюрнберг в те времена еще не был таким оживленным местом, каким он стал в наши дни. Ирвинг еще не сыграл в «Фаусте», и само название старинного города было практически неизвестно большинству путешествующей братии. Мы с женой проводили вместе уже вторую неделю медового месяца, поэтому, естественно, были бы не против продолжить путешествие в компании какого-нибудь интересного человека, поэтому, когда на вокзале во Франкфурте к нам подошел жизнерадостный незнакомец, представился Элиасом Пи Хатчесоном, родом из Истмиан-Сити, что в Кровавом Ущелье, округ Кленового Листа, Небраска, и обронил, что хочет съездить посмотреть какой-нибудь богом забытый городишко в Европе, да еще и добавил, что, по его мнению, такое длительное путешествие в одиночестве может даже самого здравомыслящего и деятельного гражданина довести до сумасшедшего дома, мы решили принять это скрытое предложение и предложили ему объединить силы. Сравнивая впоследствии свои дневники, мы обнаружили, что оба собирались сделать вид, что соглашаемся неохотно, скорее, из желания не обидеть его, потому что слишком уж откровенная радость, выказанная по поводу того, что к нашей компании присоединится некто третий, могла бы вызвать подозрения относительно успешности нашей жизни в браке. Впрочем, все равно мы с женой себя выдали тем, что заговорили в одну и ту же секунду, потом одновременно замолчали, после чего опять начали говорить вместе. Как бы там ни было, решение было принято, и Элиас Пи Хатчесон присоединился к нашей компании. Немедленно мы с Амелией увидели и приятные выгоды данной ситуации; вместо того чтобы беспрестанно браниться, как это было раньше, присутствие третьей партии вызвало у нас желание обниматься и целоваться в укромных местах. Амелия говорит, что теперь советует всем своим подругам брать в свадебное путешествие какого-то друга. В общем, в Нюрнберг мы отправились вместе и были весьма довольны своим попутчиком и его колоритными комментариями всего увиденного. Этот заокеанский гость своей манерой изъясняться и бесконечным запасом увлекательных историй походил на героя приключенческого романа. Осмотрев все достопримечательности, мы на закуску оставили Бург – старую часть города, окруженную крепостной стеной. В назначенный для посещения день мы подошли к стене города с восточной стороны.

Бург находится на скале и поэтому сильно возвышается над остальным городом, с северной стороны его защищает очень глубокий ров. Надо сказать, Нюрнбергу повезло, что за всю историю его ни разу не осаждали враги, иначе он не сохранился бы в таком идеальном состоянии до наших дней. Ров не использовался по назначению уже несколько столетий, и теперь на дне его росли чайные и фруктовые сады, причем среди деревьев встречались и экземпляры довольно внушительных размеров. Изнемогая от июльской жары, мы двинулись вокруг стены, то и дело останавливаясь полюбоваться изумительными видами, открывавшимися нашим взорам. Особое восхищение вызвала огромная, лежавшая перед нами как на ладони равнина с расположенными на ней небольшими городками и деревнями. Ее окаймляла голубая линия гор, как на пейзажах Клода Лоррена. Поглядев на такую красоту, мы переводили восхищенные взгляды на город и начинали с новой силой восторгаться бесчисленными фронтонами необычной формы, огромными красными крышами, мансардными окнами, расположенными друг над другом. Справа в небо вздымались башни Бурга, но ближе всего к нам была Башня Пыток, которая являлась, а быть может, является и по сей день самым интересным местом во всем городе. Столетиями нюрнбергская Железная дева считалась символом самой изощренной жестокости, на которую только способен человек. Нам давно хотелось ее увидеть, и наконец мы оказались совсем рядом с тем местом, где она была придумана и изготовлена.

Во время одной из остановок мы подошли к стене надо рвом и посмотрели вниз. Сад находился футах в пятидесяти-шестидесяти под нами, там, должно быть, было жарко, как в

духовке. За рвом высилась циклопическая мрачная стена из серого камня, которая сторонами упиралась в стену бастиона и контрэскарп. Верхняя ее часть поросла кустами и деревьями, а уже над ними возвышались величественные дома, которые от старости казались только красивее и романтичнее. Жаркое солнце разморило нас, и, поскольку спешить было некуда, мы решили задержаться здесь. Прямо под нами мы заметили очаровательную картину: на солнце, растянувшись во всю длину, нежилась большая черная кошка, возле которой резвился маленький черный котенок. Мамаша то махала хвостом, чтобы котенок ловил его, то лениво отталкивала его лапами, поощряя к новым играм. Она лежала у самого основания стены, и Элиас Пи Хатчесон, чтобы подзадорить их, наклонился и подобрал из-под ног небольшого размера камушек.

– Я его брошу рядом с котенком, – сказал он, – и они удивятся, откуда он свалился.

– О, будьте аккуратны, – воскликнула моя жена. – Вы можете попасть в малютку!

– Кто, я? Никогда! – ответил Элиас Пи. – В душе я нежен, как мэнская вишня, уж вы мне поверьте. Для меня причинить вред этой несчастной крошке все равно что скальпировать ребенка! Могу поспорить на ваши ажурные чулки, что я не попаду в него! Смотрите, я брошу камень подальше, вон туда, специально, чтобы не дай бог не зацепить их!

С этими словами он перегнулся через стену, вытянул вперед руку и отпустил камень. То ли существует некая сила, которая притягивает меньшие предметы к большим, а скорее потому, что стена, на которой находились мы, была не отвесной, а расширялась к основанию, и мы сверху не заметили этого уклона, но камень с глухим звуком, отчетливо слышимым в горячем воздухе, опустился прямо на голову котенка, и его крошечные мозги разлетелись во все стороны. Черная кошка быстро посмотрела наверх, и мы увидели, что ее пылающие зеленым огнем глаза впились в Элиаса Пи Хатчесона. Потом она перевела взгляд на котенка, который теперь лежал неподвижно, у него лишь подергивались маленькие лапки. Из раны тонкой струйкой текла кровь. Издав сдавленный крик, совсем как человек, кошка, мяукая, стала облизывать его голову. Потом, словно поняв вдруг, что он умер, она снова посмотрела на нас. Я никогда не забуду этого взгляда, потому что в ту секунду кошка выглядела идеальным воплощением ненависти. Ее зеленые глаза горели зловещим огнем, а белые острые зубы почти сверкали сквозь алую кровь, которая стекала у нее по морде и усам. Животное заскрежетало зубами и выпустило когти из всех четырех лап. Внезапно оно бросилось на каменную стену, как будто хотело добраться до нас, но не смогло удержаться и поэтому прыгнуло на землю. Оно стало еще страшнее, потому что приземлилось на котенка, и его шерсть покрылась пятнами крови и мозгов. Амелия от всего этого лишилась чувств и стала оседать по стене, так что мне пришлось поднимать ее. Рядом с нами, под тенью раскидистого платана была скамейка. Я усадил на нее жену, чтобы она пришла в себя, и вернулся к Хатчесону, который неподвижно стоял у края и смотрел вниз на беснующуюся кошку.

Когда я подошел, он сказал:

– Никогда еще я не видел такого взбешенного существа... кроме того раза, когда одна скво из племени апачей взъелась на того полукровку, которого все называли Занозой, за то, как он обошелся с ее щенком, которого выкрал во время набега на их деревню. Заноза хотел отомстить за то, что апачи пытали на огне его мать. Так вот, эта скво все время ходила с таким же выражением. Она охотилась на полукровку больше трех лет, пока наконец воины апачей не поймали его и не передали ей. Ходили слухи, что еще ни один человек, ни белый, ни краснокожий, не умирал так долго и мучительно под индейскими пытками. Только один раз я видел, чтобы она улыбалась – когда навел на нее ружье, чтобы пристрелить. Я добрался до их лагеря как раз в тот момент, когда Заноза отдавал Богу душу, и поверьте, он радовался смерти, как самой лучшей подруге. Это был страшный человек, и хоть я после того случая с индейским ребенком с ним не встречался (все-таки поганое это было дельце, а он к тому же и белым-то не был, хоть и выглядел совсем как белый), я считаю, что он получил по заслугам. Черт

возьми, я даже прихватил один из кусков его кожи, которые висели там на столбах, и сделал из него обложку для дневника. Он и сейчас со мной! – и Хатчесон похлопал себя по нагрудному карману.

Все то время, пока он говорил, кошка совершала отчаянные попытки подняться по стене. Она разбегалась и прыгала, порой достигая невероятной высоты. Ее совершенно не беспокоило то, что после каждого прыжка она тяжело падала на землю. Она тут же вскакивала на лапы и опять неслась на стену с удвоенной энергией, при этом ее внешний вид делался все ужаснее. По натуре Хатчесон был человеком отзывчивым (и жена, и я частенько замечали за ним маленькие проявления доброты по отношению как к животным, так и к людям), и, похоже, его очень взволновало то состояние бешенства, в которое впала кошка.

– Ну дела! – сказал он. – Это бедное создание, кажется, совсем голову потеряло. Тише! Тише, бедняга, это же вышло случайно... Хотя твоему малышу от этого не будет слаще. Знаешь, честное слово, я совершенно не хотел, чтобы это произошло, – обратился он ко мне. – Это лишний раз доказывает, каким неуклюжим дураком может стать человек, если захочет побаловать! Похоже, у меня руки совсем не оттуда растут, раз я даже не могу с кошкой поиграть. Скажи, полковник, – встрепенулся он (у нас выработалась приятная привычка награждать друг друга званиями), – надеюсь, твоя жена не осерчала на меня за эту досадную неприятность? Черт возьми, я этого не допущу!

Он подошел к Амелии и принялся пространно извиняться, а она со свойственной ей мягкостью поспешила заверить его, что прекрасно понимает, что все это вышло случайно. После этого мы все вместе снова подошли к стене и посмотрели вниз.

Кошка, потеряв из виду лицо Хатчесона, отошла немного вглубь рва и замерла на согнутых лапах, словно готовясь к прыжку. И правда, едва заметив его снова, она в ту же секунду прыгнула, буквально ослепленная яростью, не поддающейся описанию. Она уже не пыталась взбежать по стене, она просто бросала себя в направлении Элиаса Пи, как будто ожидая, что ненависть и злоба дадут ей силы взлететь на высокую стену, как на крыльях. Амелия, как и подобает женщине, восприняла все это очень серьезно, она обратилась к Хатчесону:

– О, вам нужно поберечься. Если бы это животное смогло добраться сюда, оно бы попыталось убить вас. Посмотрите на ее глаза, в них только одно желание: убить.

Американец захохотал.

– Прошу прощения, мэм, – вытирая выступившие на глазах слезы, сказал он. – Не смог сдержаться. Неужели вы думаете, что мужчина, который дрался с гризли и краснокожими, испугается кошки?

Когда кошка услышала его смех, ее поведение тут же изменилось. Она перестала бросаться на стену, осторожно подошла к мертвому котенку и начала облизывать и ласкать его, как живого.

– Смотрите! – сказал я. – Вот какое воздействие производит по-настоящему сильный человек на окружающих. Даже ослепленное яростью животное чувствует голос хозяина и склоняет перед ним голову.

– Точно как та скво! – заметил Элиас Пи Хатчесон, когда мы продолжили путь вдоль рва. Время от времени мы смотрели вниз и каждый раз замечали кошку, которая следовала за нами. Поначалу она возвращалась к мертвому котенку, но, когда мы удалились от того места на большое расстояние, она взяла тельце в зубы и стала преследовать нас, держа его во рту. Через какое-то время, однако, она его где-то оставила, потому что, когда мы в следующий раз посмотрели на кошку, она шла одна. Очевидно, она спрятала своего несчастного детеныша в каком-то укромном месте. Настойчивость, с которой кошка преследовала нас, не на шутку взволновала Амелию, она несколько раз повторила Хатчесону свое предупреждение, но американца это только смешило. Наконец, увидев, что она действительно переживает, он сказал:

– Послушайте, мэм, не надо так дрожать перед этой кошкой. Я с пустыми руками не хожу! – Он похлопал себя по кобуре, которая висела у него сзади ниже пояса. Чтобы вы не волновались, я готов прямо сейчас пристрелить эту тварь, хоть это и чревато встречей с полицией, которая начнет разбираться, почему это гражданин Соединенных Штатов носит при себе огнестрельное оружие, когда это запрещено законом!

После этих слов он подошел к краю стены и посмотрел вниз, но кошка, увидев его, с глухим рычанием прыгнула на клумбу и спряталась среди высоких цветов.

Элиас Пи повернулся к нам.

– К счастью, эта... божья тварь понимает, что для нее хорошо, а что плохо, лучше, чем большинство христиан! Думаю, больше мы ее не увидим. Держу пари, она теперь вернется к своему котенку и тихонько закопает его где-нибудь подальше.

Амелия решила больше ничего не говорить, ей не хотелось, чтобы у него возникло желание застрелить кошку, дабы положить конец ее переживаниям, и мы пошли дальше. Перейдя через деревянный мостик, мы вышли на идущую под большим наклоном мощеную дорогу, которая начиналась у стен Бурга и заканчивалась у пятиугольной Башни Пыток. Переходя мостик, на дне рва мы снова увидели кошку. Углядев нас, она как будто снова обезумела и стала пытаться запрыгнуть на крутую стену. Посмотрев на нее, Хатчесон рассмеялся и сказал:

– Прощай, подруга. Прости, что я обидел тебя, но скоро сердце твое успокоится и ты забудешь обо мне! Прощай!

После этого мы прошли и по длинной темной арке и оказались у ворот Бурга.

Когда мы, осмотрев это изумительное старинное место, которое не смогли испортить даже готические фантазии реставраторов, работавших здесь лет сорок назад, снова вышли из крепости, неприятный утренний эпизод уже, казалось, выветрился из нашей памяти. Старая липа, ствол которой был покрыт трещинами, оставленными почти девятью сотнями лет существования, глубокий колодец, давным-давно прорубленный в самом сердце каменной горы захваченными в плен врагами. Почти пятнадцать минут мы наслаждались звуками городских колоколов и чудесным видом, открывавшимся с городской стены. Все это изгладило из нашей памяти происшествие, стоившее жизни маленькому котенку.

В то утро мы были единственными посетителями Башни Пыток (по крайней мере, так сказал старый смотритель), поэтому получили возможность досконально исследовать это помещение, что в другой ситуации было бы невозможным. Смотритель, который видел в нас единственный за весь день источник заработка, был готов всячески угождать нам. Башня Пыток даже сейчас представляет собой поистине мрачное место, и это несмотря на то, что многие тысячи посетителей все эти годы наполняли стены башни жизнью, а следовательно, и радостью. Но в те минуты, о которых я веду повествование, здесь царила атмосфера жуткого давящего страха. Все здесь, казалось, было покрыто пылью веков, а темнота и воспоминания о тех ужасах, которые когда-то происходили внутри этих стен, как будто воплотились в такую наделенную собственным разумом форму, которая удовлетворила бы даже таких господ-пантеистов⁵, как Филон или Спиноза. Нижнее помещение, через которое мы вошли, похоже, сохранилось в первозданном виде. В нем было так темно, что даже луч жаркого солнца, попадавший через дверной проем, терялся среди могучих каменных стен. Все, что он освещал, – это несколько огромных каменных блоков, из которых были сложены стены, и выглядели они почти так же, как в тот день, когда были разобраны строительные леса, только теперь их покрывала пыль и старые темные пятна, о происхождении которых много страшного могли бы рассказать стены, если бы умели говорить. Сколько криков ужаса слышали они, сколько видели крови!.. Мы были рады, когда по пыльной деревянной лестнице поднялись наверх и покинули это жуткое место.

⁵ Пантеизм – религиозно-философское учение, отождествляющее Бога с природой и рассматривающее природу как воплощение Божества. – *Ред.*

Смотритель специально не закрыл входную дверь, чтобы нам было не так темно подниматься, поскольку света единственной длинной и крайне неприятно пахнущей свечи, вставленной в привинченный к голой стене подсвечник, для наших глаз было мало. Когда мы оказались на втором ярусе, для чего нам пришлось пролезть через люк в углу потолка, Амелия так прижалась ко мне, что мне стало слышно, как взволнованно бьется ее сердце. Должен заметить, что ее страх меня не удивил, поскольку эта комната оказалась еще кошмарнее первой. Света здесь было больше, но его хватило лишь на то, чтобы ужаснуться мрачной обстановке. Строители, возводившие башню, похоже, посчитали, что свет и красивые виды окрестностей в этом месте вряд ли кого-нибудь заинтересует, поэтому сделали окна очень высоко. Здесь, как мы заметили еще внизу, было множество окон, но они были маленькие, в средневековом стиле, тогда как в остальной башне было всего несколько узких бойниц, что и соответствовало средневековым представлениям об устройстве укрепленных сооружений. Комнату на втором этаже освещали несколько таких окон, но и они были расположены так высоко, что из-за невероятной толщины стен ни с какой точки комнаты небо не просматривалось. На стойках и просто прислоненными к стене стояло множество старинных мечей для казней, огромные двуручные орудия с широкими острыми клинками. Рядом находилось несколько деревянных чурбанов, на которые помещали шеи жертв перед казнью. Все эти колоды были изрезаны длинными засечками в тех местах, где мечи, преодолев слабое сопротивление тела, врезались в древесину. По всей комнате самым беспорядочным образом были расставлены разнообразные пыточные машины, от одного взгляда на которые холодело сердце: сиденья, утыканные шипами, чтобы доставить жертве мгновенную и непереносимую боль, кресла и лежаки с тупыми шишками, воздействие которых на тело не так болезненно, но также эффективно при более длительном применении, растяжки, сжимающиеся пояса, сапоги, перчатки и воротники, железные корзины, в которых голова медленно раздавливалась, превращаясь в месиво, крючья с длинными рукоятками и режущей кромкой, которые состояли на вооружении у нюрнбергских защитников правопорядка, и еще великое множество других орудий, созданных специально для того, чтобы один человек мог доставить боль другому. От ужаса Амелия сильно побледнела, но, к счастью, не лишилась чувств: ощутив слабость, она села на одно из старинных пыточных кресел, с которого тут же с криком вскочила, это отбило у нее охоту падать в обморок. Мы оба сделали вид, что ее просто раздосадовали пыль на сиденье и ржавые шипы, которые оставили пятна на платье. И мистер Хатчесон не стал возражать, с добрым смехом приняв объяснения.

Однако главным в этой комнате ужасов было приспособление, известное как Железная дева, которое стояло почти в самой середине зала. Это была грубо сработанная женская фигура, формами напоминавшая виолончель, или, если быть точнее, фигура миссис Ной, какой ее изображают в детских книгах, только без изящества талии и идеальных обводов бедер, которые свойственны всем представителям ноева семейства. Вообще больше всего похожим на человека ее делало некое грубое подобие женского лица, которое изготовитель этой адской машины придал ее верхней части. Снаружи орудие было покрыто ржавчиной и пылью. К кольцу, приделанному спереди на том месте, где должна находиться талия, была привязана веревка, протянутая к блоку, которая крепилась другим концом к деревянной конструкции с площадкой. Потянув за веревку, смотритель показал нам, что передняя часть девы открывалась в одну сторону как дверь. Мы увидели, что стенки очень толстые, и внутри остается ровно столько свободного пространства, чтобы там мог поместиться человек. Крышка была той же толщины и, очевидно, немало весила, поскольку смотрителю даже при помощи блока пришлось напрячь всю силу, чтобы открыть ее. Такой вес объяснялся тем, что крышка была специально изготовлена так, чтобы она захлопывалась под собственным весом, когда веревку отпускали. Внутренние стенки были покрыты ржавчиной, более того, сама по себе ржавчина, возникающая от времени, не смогла бы так глубоко въестся в железные стенки, а дыры были действительно очень глубокими! Только когда мы подошли посмотреть поближе, нам открылся

дьявольский замысел, который изготовители Железной девы заложили в ее конструкцию. На крышке с внутренней стороны находились несколько длинных квадратных в сечении шипов, массивных у основания и острых у окончания. Они были расположены так, чтобы, когда крышка закрывалась, верхние прокалывали глаза жертвы, а нижние – сердце и другие жизненно важные органы. Бедная Амелия не смогла вынести этого зрелища, и на этот раз действительно упала в обморок, так что мне пришлось на руках снести ее вниз и положить на скамейку на свежем воздухе и дожидаться, пока она полностью придет в себя. Потрясение, испытанное ею при виде этой адской машины, позже проявилось в том, что один из моих сыновей до сих пор носит на груди уродливое родимое пятно, которое, по нашему общему мнению, является символом Нюрнбергской девы.

Вернувшись в комнату на втором этаже, мы нашли Хатчесона в том же положении рядом с Железной девой, в каком оставили. Она явно натолкнула его на философский лад, и теперь он решил одарить нас плодами своих раздумий.

– Что же, я, похоже, понял одну штуку, пока мэм отходила от потрясения. Мы у себя в Штатах намного отстали от жизни. У нас считается, что индейцы могут дать нам фору по части пыток, но теперь я вижу, что ваша средневековая система правопорядка уже тогда ушла на сто шагов вперед. Уж на что Заноза постарался с тем индейским ребенком, но у этой дамочки по сравнению с ним на руках полная стрит-флеш. Окончания шипов до сих пор острые, как иглы, хотя даже основания уже поело ржавчиной. По-моему, тем, кто в нашем правительстве занимается индейцами, не мешало бы парочку таких игрушек отправить в резервации, чтобы у краснокожих и их скво не осталось больше сомнений, насколько древняя цивилизация бледнолицых превосходит их. Давайте-ка я залезу в эту штуковину, чтобы почувствовать, каково это!

– О нет! Нет! – вскричала Амелия. – Это же ужасно!

– Ну что вы, мэм! Для любознательного человека не бывает ужасных вещей. Мне уже приходилось бывать в самых невероятных местах. Один раз, в Монтане, я провел ночь в брюхе павшей лошади, когда вокруг горела прерия, а в другой раз спал в брюхе мертвого бизона, когда команчи вышли на тропу войны, а я решил остаться на своей территории. В Нью-Мексико я провел два дня в заваленной золотой шахте Билли Бронхо, однажды с тремя ребятами просидел почти целый день в кессонной камере, которая перевернулась на бок, когда мы закладывали мост Баффало. Я никогда не боялся подобного рода испытаний, и сейчас не собираюсь поджимать хвост!

Мы поняли, что он твердо намерен провести этот эксперимент, поэтому я сказал:

– Хорошо, только давай побыстрее.

– Вот это я понимаю, генерал! – воскликнул он. – Только я тут прикинул, что мы еще не совсем готовы. Господа, которые попадали внутрь этой жестянки, шли туда не добровольно. Думаю я, их сначала связывали, а уж потом сажали внутрь. Мне бы хотелось, чтобы все было взаправду, поэтому сперва меня нужно подготовить. Надеюсь, этот пентюх найдет где-нибудь веревки и свяжет меня как положено?

Последние слова, произнесенные с вопросительной интонацией, были обращены к старому зрителю, который, хоть и понимал его быструю болтовню, возможно, не мог по достоинству оценить утонченность речи и силу фантазии, присущие Элиасу Пи Хатчесону. Зритель покачал головой, но его отказ носил скорее формальный характер, переубедить его было совсем не сложно. Американец ткнул ему в руку золотую монету и сказал:

– Держи, приятель! Это тебе за работу. Только не надо дрожать, тебя же не заставляют вешать кого-нибудь!

Зритель раздобыл где-то тонкую потертую веревку и принялся связывать нашего попутчика, причем довольно туго. Когда верхняя часть тела была уже связана, Хатчесон сказал:

– Секунду, судья. Я слишком тяжелый, и ты не сможешь поставить меня в свою жестянку. Давай я сам в нее зайду, и потом ты займешься моими ногами!

Произнося эти слова, он двинулся спиной вперед и втиснулся под открытую крышку. Выемка как раз подходила ему по размеру. Амелия наблюдала с ужасом, но молчала. Смотритель обвязал веревкой ноги Хатчесона, который теперь лишился какой бы то ни было возможности двигаться. Американца все это порядочно забавляло, на лице у него даже появилась его обычная улыбка, когда он сказал:

– Сдается мне, эта Ева была сделана из ребра карлика! Нормальному американцу тут как-то тесновато. В Айдахо гробы делают просторнее! Давай-ка, судья, теперь медленно опускай на меня крышку. Я хочу почувствовать то же удовольствие, которое испытывали те, кто побывал здесь до меня, когда видели, как шипы начинают приближаться к их глазам.

– О нет! О нет! – не выдержав, истерично закричала Амелия. – Какой ужас! Я не могу на это смотреть! Не могу!

Но американец был непреклонен.

– Послушай, полковник, – сказал он. – Почему бы тебе не сводить мадам на небольшую прогулку? Мне бы ни за что не хотелось заставлять ее нервничать, но после того, как я проехал восемь тысяч миль специально, чтобы сделать это, мне будет трудно отказаться от затеи, ради которой я столько всего перенес. Не каждый день человеку выпадает возможность почувствовать себя как законсервированный фрукт. Мы с судьей все тут по-быстренькому организуем, потом вы вернетесь, и мы вместе посмеемся!

И снова любопытство взяло верх над страхом, и Амелия осталась. Она крепко прижималась к моему плечу, дрожа всем телом, и наблюдала, как смотритель медленно, дюйм за дюймом, опускает на веревке тяжелую крышку. Лицо Хатчесона прямо-таки расцвело, когда он заметил первое движение шипов.

– Да! – сказал он. – Такого удовольствия я не испытывал с тех пор, как уехал из Нью-Йорка. Ну, кроме той драки с французским матросом в Ваппинге (а это тоже было что-то, скажу я вам). Я уж думал, на вашем вшивом континенте вообще невозможно как следует развлечься, раз тут нет ни бизонов, ни индейцев, и почти никто не носит оружие. Помедленнее, судья, не гони лошадей! За свои денежки я хочу прочувствовать все сполна!

Наверное, в жилах смотрителя текла кровь его предшественников, которые работали в этой страшной башне: он отпускал веревку очень медленно, так что после пяти минут, за время которых крышка опустилась всего на несколько дюймов, нервы Амелии не выдержали. Я заметил, что у нее побелели губы, и почувствовал, как ослабели ее пальцы, которыми она впиалась мне в руку. Я оглянулся по сторонам в поисках места, куда можно было бы ее уложить, но когда снова посмотрел на жену, заметил, что глаза ее обращены не на Железную деву. Проследив за ее взглядом, я увидел черную кошку, которая появилась из темного угла. Ее зеленые глаза горели зловещим огнем, эффект усиливали пятна крови, которые все еще были видны у нее на морде и на всем теле. Я взволнованно воскликнул:

– Кошка! Осторожно, там котика!

Дело в том, что животное выпрыгнуло вперед и оказалось между нами и Железной девой, внутри которой лежал американец. В ту секунду она была похожа на торжествующего демона. Глаза ее сделались свирепыми, шерсть встала дыбом, отчего казалось, что она почти в два раза увеличилась в размерах, а хвост дергался как у тигра, который готовится прыгнуть на добычу. Элиас Пи Хатчесон, увидев ее, сперва несколько удивился, но потом весело сказал:

– Ты смотри! Эта скво в полной боевой раскраске! Двиньте ей хорошенько, если она подойдет ко мне. Босс меня так упаковал, что я не смогу даже отвернуться, если ей вздумается выцарапать мне глаза. Эй-эй, спокойнее, судья! Смотри не выпусти веревку, а то от меня тут мокрого места не останется!

В этот миг Амелия лишилась чувств, и мне пришлось подхватить ее за талию, иначе она бы упала на пол. Укладывая ее, я краем глаза заметил, что кошка готовится к прыжку, поэтому я вскочил, чтобы отогнать животное.

Но в ту же секунду она, издав демонический крик, бросилась, только не на Хатчесона, как мы ожидали, а прямо на лицо зрителя. С яростью дракона с китайских картинок она впиалась когтями в несчастного старика (причем один коготь угодил ему прямо в глаз) и стала рвать его, оставляя красные кровавые полосы.

Еще даже не успев ощутить боль, он закричал от ужаса и отпрыгнул назад, выпустив из рук веревку. Я бросился вперед, чтобы удержать ее, но было слишком поздно, поскольку веревка молниеносно взлетела вверх, и массивная железная крышка тяжело захлопнулась.

За ту долю секунды, пока опускалась крышка, я успел заметить лицо нашего спутника. Он словно окаменел от ужаса. Глаза его округлились и застыли как будто от удивления. С его губ не сорвалось ни звука.

Адская машина исполнила свое предназначение. К счастью, конец наступил мгновенно, ибо, когда я с трудом открыл крышку, оказалось, что шипы пробили насквозь череп и так глубоко впились в кости, что потащили за собой тело. Американец выпал из железного нутра и с отвратительным звуком растянулся на полу лицом вверх.

Я бросился к жене, поднял ее и вынес из этого жуткого места, поскольку боялся, что она, если раскроет глаза, при виде такого ужасного зрелища лишится рассудка. Уложив ее на скамейку у входа в башню, я побежал обратно. Зритель сидел, прислонившись к деревянной колонне, и со стоном прижимал окровавленный носовой платок к глазам. На голове несчастного американца сидела кошка, она громко урчала, лакая кровь, которой наполнялись его пустые глазницы.

Думаю, никто не назовет меня жестоким за то, что я схватил один из старых мечей, которыми когда-то орудовали палачи, и разрубил эту тварь пополам.

Тайна растущего золота

Стоило Маргарет Деландер переехать в Бренте-Рок, как соседи принялись довольно потирать руки в предвкушении нового скандала. Скандалы, связанные как с представителями фамилии самих Деландеров, так и с Брентами из Бренте-Рок, были делом привычным, и если бы когда-нибудь вышла книга с исследованием закулисной жизни графства, их имена упоминались бы в ней чаще остальных. На самом деле эти два семейства принадлежали к совершенно различным слоям общества, между ними, можно сказать, лежала социальная пропасть, почему до сих пор их орбиты никогда и не пересекались. Бренты занимали совершенно особое привилегированное положение среди английской знати, в результате чего их отношение к мелким фермерам, к классу которых принадлежала и Маргарет Деландер, можно было сравнить с тем презрением, с каким испанские идалго голубых кровей взирали на своих крестьян.

Род Деландеров, впрочем, тоже был древним, так что они гордились своим происхождением в не меньшей степени, чем Бренты своим. Но никто из Деландеров так и не смог пробиться наверх из сословия мелких землевладельцев, и хоть когда-то в старые добрые времена постоянных войн с другими странами они были людьми зажиточными, с наступлением эры свободной торговли и поры веселой жизни «под сенью мира» их состояние значительно уменьшилось. Они, как говорили старики, «приросли к земле» телом и душой, в результате чего, что называется, стали вести «жизнь растений»: расцветали и крепчали в добрые времена, с трудом переносили тяжелые. Земля на их ферме, которая называлась Дандерс Крофт, истощилась и пришла примерно в такое же состояние, как и семейство, жившее на ней. Оно же (семейство) от поколения к поколению хирело, периодически делая вялые попытки улучшить свое положение в обществе, отдавая на военную или морскую службу кого-то из молодых сыновей, которые дослуживались до младших офицерских чинов, на чем их карьера прерывалась либо в результате неоправданного геройства в бою, либо из-за того, что они (как свойственно всем людям без внушительной родословной или соответствующего воспитания) просто были не в состоянии найти себя в более высоких кругах и предпочитали вернуться к своей обычной размеренной жизни. Так что мало-помалу род скатывался все ниже и ниже. Мужчины, хмурые и вечно недовольные, пьянством доводили себя до гробовой доски, женщины гнули спину дома или выходили замуж за мужчин из более низких сословий... а некоторые – и того хуже. Со временем из всего семейства в Крофт остались только двое Деландеров: Уикхем Деландер и его сестра Маргарет. Этих двоих не обошел стороной злой рок, нависший над родом, наделив их в равной степени, но на мужской и женский манер соответственно, мрачностью, сластолюбием и доходящим до безрассудства презрением ко всему, что может представлять угрозу.

История Брентов была в чем-то сходна, только ее упадок проявлялся в формах более благородных. Они тоже отправляли своих отпрысков на войну, но те занимали совсем другие должности, и даже не раз бывали награждены за доблесть, поскольку в их жилах действительно текла аристократическая кровь, и они успевали снискать себе боевую славу еще до того, как разгульный образ жизни иссушал их энергию и силы.

Нынешним главой семьи (если термин «семья» был применим к единственному оставшемуся представителю главной линии) был Джефффри Брент. Джефффри обладал всеми качествами, присущими его вымирающей фамилии: в одних случаях он вел себя самым благородным образом, в других – проявлял всю степень вырождения древнего аристократического рода. Его можно было сравнить с теми представителями древнеримской знати, образы которых сохранили до наших дней художники и скульпторы. Те же отвага и неразборчивость в средствах, те же утонченное сластолюбие и жестокость, в общем, все, что можно назвать одним словом: «сибаритство». Брент несомненно был красив. Гордый профиль, темные волосы, властная стать делали его чрезвычайно привлекательным в глазах большинства женщин. С мужчинами

он был сдержан и холоден, что, впрочем, отнюдь не отпугивало от него представительниц слабой половины человечества. Непостижимые законы взаимоотношения полов устроены так, что ни одна, даже самая робкая женщина не станет бояться агрессивного и заносчивого мужчину. Поэтому в обозримых окрестностях Брентс-Рок не было ни одной, в сердце которой не теплилось бы в той или иной форме нежное чувство по отношению к этому красавцу прожигателю жизни. А надо сказать, что в это число поклонниц входило довольно большое количество женщин, поскольку замок Брентс-Рок возвышался посреди огромной долины с разбросанными деревушками и рощами, его высокие старые башни и покатые крыши были видны из любой точки с расстояния до ста миль.

До тех пор, пока Джеффри Брент предавался земным утехам в Лондоне, Париже или Вене, иными словами, вдалеке от дома, никому до этого не было дела. Внимать слухам изда- лека легко со спокойной душой, к ним можно относиться с недоверием, насмешкой, презре- нием или вообще не обращать на них внимания, если это выгодно, но если нечто скандальное случается рядом, это уже совсем другое дело. В таком случае общество (если оно само не погрязло в пороке) требует от своих членов открытого отстаивания права на спокойную жизнь через выражение осуждения. Впрочем, вокруг Бренте-Рок царило относительное спокойствие. Если и высказывались какие-то недовольные замечания по поводу ставших достоянием обще- ственности фактов, то только в самых крайних случаях, когда молчание было бы равносильно одобрению. Маргарет Деландер вела себя настолько спокойно и открыто, так бесстрашно при- няла роль сожительницы Джеффри Брента, что люди начали думать, что они в тайне сочета- лись браком, исходя из чего решили на всякий случай держать язык за зубами до тех пор, пока время не покажет что к чему.

Единственный человек, который мог бы развеять все сомнения, в сложившихся обстоя- тельствах как раз был лишен возможности пролить свет на это дело. Уикхем Деландер недавно поссорился с сестрой (лучше будет сказать, это она поссорилась с братом), и теперь они не просто, выражаясь военным языком, пребывали в состоянии вооруженного нейтралитета, а открыто ненавидели друг друга. Можно сказать, что их последняя ссора и стала причиной переезда Маргарет в Брентс-Рок. В тот раз дело чуть не дошло до рукоприкладства, по край- ней мере, угрозы звучали как с одной, так и с другой стороны. В конце концов Уикхем, ослеп- ленный яростью, приказал сестре убираться прочь. И она, даже не став дожидаться, пока будут собраны ее личные вещи, покинула дом. На пороге она на секунду задержалась, чтобы в последний раз бросить брату, что он до конца своих дней будет горько сожалеть о том, что так поступил с ней сегодня. С тех пор прошло несколько недель затишья, и когда соседи уже начали думать, что Маргарет уехала в Лондон, она была замечена во время верховой прогулки с Джеффри Брентом, и уже до наступления ночи вся округа знала, что она обрела прибежище в Брентс-Рок. Никого не удивило, что сам Брент вернулся домой неожиданно, поскольку для него это было обычным делом; даже его слуги давно привыкли к тому, что появление хозяина в доме непредсказуемо. В замке имелась потайная дверь, ключ от которой был только у него. Через эту дверь он частенько попадал в дом никем не замеченный. После долгого отсутствия он предпочитал появляться дома именно таким манером.

Уикхема Деландера эта новость привела в бешенство. Он жаждал мести, и чтобы его разум соответствовал чувствам, запил горше, чем обычно. Несколько раз он пытался увидеться с сестрой, но она с презрением отказывалась от встреч. Он хотел поговорить с Брентом, но тоже получил отказ. Он даже попытался подкараулить его на дороге и заставить поговорить силой, но безуспешно, поскольку Джеффри был не из тех людей, которых можно остановить против их воли. Несколько раз мужчины встречались, еще большее количество раз звучала угроза добиться разговора по душам, но всякий раз безрезультатно. Наконец Уикхему Делан- деру пришлось скрепя сердце смириться с ситуацией и до поры до времени затаить гнев.

Однако ни Маргарет, ни Джеффри не отличались покладистым нравом, и скоро ссоры начали возникать и между ними. Одно повлекло за собой другое, и скоро в Брентс-Рок вино потекло рекой. Ссоры то и дело перерастали в открытые столкновения, сопровождаемые взаимными угрозами, причем звучали такие выражения, что подслушивающие слуги взволнованно качали головами. Но стычки чаще всего заканчивались так же, как обычные домашние перебранки, – примирением, подкрепленным уважением бойцовских качеств противника. Везде существуют люди, которые находят ссору самую по себе чрезвычайно занимательным делом, будь то хоть столкновение на улице, хоть склоки между домашними. Джеффри и Маргарет иногда покидали стены Бренте-Рок, и когда это случалось, Уикхем Деландер тоже собирався в путь, но, поскольку обычно он узнавал об их отсутствии слишком поздно, чтобы успеть этим воспользоваться, он возвращался домой, каждый раз в еще более подавленном расположении духа, чем раньше, и не находил себе места от злости.

Наконец случилось так, что Брентс-Рок опустел на более длительное время, чем обычно. Всего несколько дней назад здесь произошла очередная ссора, которая по накалу страстей превосходила все предыдущие, но и она закончилась примирением, более того, в присутствии слуг была упомянута совместная поездка на континент. Через пару дней и Уикхем Деландер уехал в неизвестном направлении, его не было дома ни много ни мало несколько недель. Соседями было подмечено, что его обычное состояние мрачной подавленности уступило место какой-то возбужденности, самодовольной гордости, в общем, чему-то такому, чему они не могли дать точного определения. Приехав, он напрямик направился в Брентс-Рок и потребовал встречи с Джеффри Брентом. Услышав в ответ, что тот еще не вернулся, с мрачной решительностью, которая не осталась незамеченной слугами, заявил:

– Я приеду еще раз. У меня такие основательные новости, что они могут и подождать!

Шли недели, месяц сменялся месяцем, и вот уже среди местных землевладельцев пошел слух, впоследствии подтвердившийся, что рядом с Церматтом произошел несчастный случай. Пересекая опасный участок дороги, идущей через Альпы, направляющаяся в знаменитый швейцарский курорт коляска, в которой находились английская леди и кучер, сорвалась с обрыва. К счастью, спутник леди, мистер Джеффри Брент не пострадал, поскольку решил подняться на гору пешком, чтобы облегчить работу лошадям. Полиция сняла с него показания, и был произведен осмотр места происшествия. Сломанная ограда, следы на дороге, отметины, оставшиеся от подков лошадей, которые цеплялись копытами за края обрыва, прежде чем полететь вниз – все это свидетельствовало в пользу того, что случилось непоправимое несчастье. Зима выдалась снежная, осадков выпало больше нормы, поэтому река, протекающая вдоль дороги, была полноводнее, чем обычно, и берега ее были покрыты льдом. Провели поиски, в результате которых ниже по течению реки были обнаружены обломки коляски и тело одной из лошадей. Позже нашли и тело кучера, которое вынесло на песчаный берег недалеко от деревни Таш, но тело леди, как и труп второй лошади, так и не было найдено. Скорее всего, сейчас беспокойные воды Роны несут их по направлению к Женевскому озеру.

Уикхем Деландер сам отправился в Швейцарию на поиски, но не нашел и следа пропавшей женщины. Лишь в нескольких гостиницах в регистрационных записях он натолкнулся на имена мистера и миссис Джеффри Брент. В Церматте он установил небольшой памятник своей сестре, на котором была начертана ее фамилия по мужу, а в Бреттене в церкви, к приходу которой относились и Бренте-Рок, и Дандерс Крофт, поместил памятную табличку.

Прошло уже почти два года с тех пор, как страсти поутихли и вся округа вернулась к своим обычным делам. Брент до сих пор не вернулся, а Деландер запил еще сильнее, отчего еще больше ушел в себя. Теперь он думал об одном: как найти Джеффри Брента и отомстить ему.

Потом порядок нарушило новое сногшибательное известие: в Брентс-Рок готовятся к встрече новой хозяйки.

Об этом официально заявил сам Джеффри в письме к приходскому священнику. Он написал, что несколько месяцев назад женился на итальянке, и теперь собирается привезти ее к себе домой. В скором времени небольшая армия рабочих и строителей наводнила дом; Брентс-Рок наполнился стуком молотков и визгом рубанков, запахло клеем и краской. Одно крыло старинного дома (южное) было полностью переделано, после чего большинство рабочих покинуло замок, оставив только материалы для ремонта в старом зале. Дело в том, что хозяин Брентс-Рок распорядился, чтобы ремонт этой части замка проводился под его личным надзором. С собой он вез точные зарисовки большого зала в доме отца молодой жены и хотел воспроизвести у себя обстановку, к которой она привыкла. Поскольку всю лепнину нужно было менять, в зал занесли и в разобранном виде сложили у стены строительные леса, кроме того, туда же поставили и огромный деревянный ящик для смешивания извести, которая в мешках лежала тут же.

Прибытие новой хозяйки в Брентс-Рок ознаменовалось колокольным звоном местной церкви и народными гуляниями. Она оказалась очаровательным созданием, была полна возвышенных чувств, страстна и горяча, как настоящая южанка, а те несколько английских слов, которые она выучила, произносились ею с таким сильным, но милым акцентом, что ее голос очаровал всех в округе не меньше, чем нежная красота ее карих глаз.

Джеффри Брент еще никогда не был так счастлив, и лишь те, кто знал его давно, заметили, что на лице у него появилась печать мрачной тревоги. Еще порой он вздрагивал, словно слышал что-то такое, чего не слышали остальные.

Жизнь потекла своим чередом, и через несколько месяцев люди заговорили о том, что наконец в Брентс-Рок появится наследник древнего рода. Джеффри относился к своей жене очень трепетно, ее беременность, похоже, укротила его крутой нрав. Он стал больше интересоваться делами своих земельных арендаторов, вместе с молодой женой занялся благотворительностью. Казалось, все его мысли поглощены еще не родившимся ребенком, и, чем дальше в будущее он всматривался, тем светлее становился его взгляд, и темная тень постепенно исчезала с лица.

Все это время Уикхем Деландер вынашивал планы мести. У него появилась цель в жизни, для реализации которой он лишь поджидал удобного случая. Все его замыслы вертелись вокруг жены Брента, поскольку он понимал, что сильнее всего ранит его, если нанесет удар по тому, кто ему дороже всего. Однажды вечер застал его за размышлениями в гостиной своего дома. Когда-то это была по-своему красивая комната, но время и отсутствие надлежащего ухода сделали свое дело, и теперь это помещение больше напоминало заброшенные руины, лишённые какой бы то ни было живописности. Последнее время он много пил, отчего утратил добрую половину своих умственных способностей. Вдруг ему показалось, что кто-то подошел к двери с наружной стороны. Он поднял глаза и гаркнул, что тот, кто стоит за дверью, может войти, но никакой реакции не последовало. Чертыхнувшись вполголоса, он подлил в бокал вина. Через какое-то время все мысли выветрились у него из головы, он даже задремал, но резко проснулся и ужаснулся. И было от чего! Перед ним стояло призрачное жуткое подобие его сестры. На несколько мгновений страх сковал его. Эта женщина, с перекошенными чертами лица и пылающими глазами, больше походила на посланца из ада, чем на живого человека. Единственным доказательством того, что это действительно была она, служила копна золотистых волос, в которых теперь были видны седые пряди. Она неотрывно смотрела на брата холодными глазами, и он в свою очередь, осознав, что это все-таки действительно его родная сестра во плоти, снова ощутил былую ненависть. Все накопившееся за прошедший год душевное волнение нашло выход в первых же его словах:

– Зачем ты пришла? Ты умерла и похоронена.

– Я пришла сюда, Уикхем Деландер, не потому что люблю тебя, а потому что ненавижу другого еще сильнее, чем ненавижу тебя! – И глаза ее яростно сверкнули.

– Его? – прошипел он таким страшным голосом, что даже женщина в испуге отшатнулась, но сразу же взяла себя в руки.

– Да, его! – сказала она. – Только не забывай, моя месть – это моя месть, и я обращаюсь к тебе только затем, чтобы ты помог мне.

Неожиданно Уикхем спросил:

– Он женился на тебе?

Перекошенное лицо женщины искривила жуткая улыбка. Это было отвратительное зрелище, поскольку исковерканные черты и грубые шрамы сложились в страшную разноцветную маску, и на коже показались белые линии ломаной формы, когда напрягшиеся под кожей мышцы надавили на старые рубцы.

– Так вот что тебя интересует! Ты хочешь убедиться, что твоя сестра жила не во грехе, чтобы успокоить свою гордыню? Но ты этого не узнаешь. Это моя месть тебе, и ничто не заставит меня изменить свое решение. Я пришла сюда с одной целью – сообщить тебе, что я жива, чтобы если там, куда я направляюсь, со мной что-нибудь случится, этому был свидетель.

– Куда ты идешь? – настаивал ее брат.

– Это мое дело, и у меня нет ни малейшего желания рассказывать тебе о своих планах!

Уикхем вскочил, но под воздействием выпитого вина ноги его подкосились, и он упал. Лежа на полу, он крикнул, что собирается идти вместе с сестрой, и в порыве хмельного веселья добавил, что путь в ночи ему будут освещать ее волосы и красота. Услышав это, она подошла к нему и сказала, что еще кое-кто пожалеет о ее волосах и утраченной красоте.

– И он тоже, – прошипела она. – Потому что красота может исчезнуть, а волосы нет. Он, когда ослаблял гайки в коляске, чтобы мы полетели в пропасть, не сильно задумывался о моей красоте. Если бы ему пришлось, как мне, нестись по течению горной реки, разбиваясь о камни и куски льда, он бы тоже не остался таким красивым. Но теперь настало его время бояться! – С этими словами она распахнула дверь и растворилась в ночи.

Той же ночью, но несколько позже миссис Brent, которая дремала, неожиданно встрепенулась и обратилась к мужу:

– Джеффри, это не замок щелкнул где-то под окном?

Но Джеффри продолжал мирно спать, хотя ей показалось, что он тоже вздрогнул от этого звука. Его дыхание оставалось ровным и глубоким. Успокоившись, миссис Brent снова начала клевать носом, но на этот раз проснулась, почувствовав, что ее муж уже встал. Открыв глаза, она увидела, что он стоит наполовину одетый рядом с кроватью и держит лампу. Он был бледен как смерть, и, когда свет упал ему на лицо, выражение его глаз испугало ее.

– Что ты, Джеффри? Что ты делаешь? – спросила она.

– Тихе, девочка моя, – странным хриплым голосом произнес он. – Спи. Я что-то не могу заснуть. Мне надо закончить одно дело.

– Приди ко мне, супруг мой, – сказала она. – Мне одиноко и страшно, когда ты не рядом.

В ответ он лишь поцеловал ее в щеку, после чего вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Какое-то время она лежала, борясь со сном, но потом природа взяла свое и она снова заснула.

Внезапно она проснулась от сдавленного крика где-то неподалеку. Вскочив, она подбежала к двери и прислушалась. Волнение охватило молодую итальянку, когда она вспомнила, что ее супруг куда-то ушел, и она несколько раз выкрикнула его имя:

– Джеффри! Джеффри!

Не прошло и минуты, когда дверь в большой зал открылась и появился Джеффри, только без лампы.

– Тихо! – негромко сказал он решительным и резким голосом. – Тихо! Иди в кровать! Я работаю, не надо меня отвлекать. Ложись в кровать и не буди весь дом!

На сердце у нее похолодело, поскольку никогда еще ее муж не разговаривал с ней так грубо. Однако она легла, подтянув дрожащими руками одеяло под самый подбородок, и стала прислушиваться к малейшим шумам. Сначала долго ничего не было слышно, но позже раздались приглушенные удары какого-то металлического инструмента! Потом со страшным грохотом упало что-то каменное, и кто-то тихо выругался. Затем раздался такой звук, будто что-то тяжелое тянут по полу, а после этого звук, который бывает, когда бьются друг об друга массивные камни. Все это время она лежала ни жива ни мертва от страха, сердце выскакивало у нее из груди. До нее донесся странный царапающий звук, после чего снова воцарилась тишина. Наконец дверь открылась и вошел Джефффри. Молодая жена притворилась, что спит, но через прикрытые веки она увидела, что он смывает со своих рук что-то белое, похожее на известь.

Утром он вел себя так, словно ничего не произошло, и она побоялась задавать вопросы.

После той ночи как будто какая-то тень нависла над Джефффри Brentом. Он стал по-другому есть и спать, к нему вернулась привычка неожиданно оборачиваться, словно он что-то слышал у себя за спиной. Старый зал как будто притягивал его. Он по несколько раз в день уходил туда, но начинал нервничать, когда кто-нибудь другой, даже жена, заглядывал. Спустя несколько дней прибыл бригадир рабочих, чтобы поинтересовался, когда им можно будет продолжить работу. Джефффри не было дома, он как раз отправился на прогулку, поэтому бригадир прошел в зал. Когда Джефффри вернулся и слуга сказал ему, кто его дожидается и где, хозяин дома, выкрикивая страшные проклятия, оттолкнул оторопевшего слугу и бросился в старый зал. Рабочий встретил его у самой двери. Ворвавшись в комнату, Джефффри подбежал к нему. От неожиданности строитель начал извиняться:

– Прошу прощения, сэра, я просто хотел проверить, все ли готово к началу работ. Я заказывал двенадцать мешков извести, а вижу, что прислали всего десять.

– К черту ваши десять мешков! И двенадцать тоже! – последовал грубый и малопонятный ответ.

Рабочий удивился и решил сменить тему:

– Я тут заметил, что мои люди, похоже, немного напортачили, но я не сомневаюсь, что наш начальник все исправит за свой счет.

– О чем это вы?

– Да об этой каменной плите для камина. Какой-то идиот, наверное, поставил на нее стойку от лесов, и камень треснул прямо посередине, хотя он кажется таким прочным, что смог бы и слона выдержать.

Джефффри молчал целую минуту, потом сдержанно и намного вежливее произнес:

– Скажите своим людям, что я пока не хочу начинать работу в зале. Временно останется так, как есть.

– Как скажете, сэра. Я пришлю пару своих ребят, чтобы они убрали эти стойки и мешки с известью и прибрали тут все.

– Нет! Нет! – воскликнул Джефффри. – Пусть остается как есть. Я, когда надумаю продолжить, обращусь к вам снова.

И бригадир ушел со словами:

– Я пришлю счет за уже выполненную работу, сэра, – и тихо добавил: – Сдается мне, с деньгами у нас будут проблемы.

Уикхем Деландер не оставлял попыток остановить Brentа на дороге, и наконец во время очередной встречи осознав, что не сможет добраться до него, поскакал следом за его коляской и закричал:

– Что произошло с моей сестрой, твоей женой?

Не промолвив ни слова, Джефффри лишь подстегнул лошадей. Уикхем, заметив, что Brent побледнел как полотно, а его жена чуть не лишилась чувств, понял, что цель достигнута, и с диким воем и смехом развернул лошадь и поскакал прочь.

Вечером того же дня Джеффри, зайдя в зал и проходя мимо большого камина, внезапно остановился и закрыл лицо руками. Плечи его содрогнулись, словно он беззвучно рыдал. Впрочем, через какое-то время, с трудом взяв себя в руки, он вышел из комнаты. Когда Джеффри вернулся, в руке у него была зажата лампа. Он низко склонился над разбитой каменной плитой, предназначавшейся для камина, и стал всматриваться в трещины. Потом застонал и повалился на колени.

Нет, ему не померещилось. В холодном лунном свете, который проникал в комнату через высокий витраж, через раскол в камне действительно пробивались золотистые волоски с оттенком седины!

От своих мыслей его отвлек шум у двери. Он обернулся и увидел жену, которая переступила порог комнаты. Чтобы она ничего не увидела, он сделал первое, что пришло в голову: зажег от лампы спичку и поднес огонь к волосам в трещине. Те ярко вспыхнули и сгорели в одну секунду. Потом с самым беззаботным видом, на который только был способен, он поднялся и сделал вид, что удивился, увидев рядом с собой супругу.

Следующая неделя прошла для него как в бреду, поскольку то ли обстоятельства складывались так, то ли это явилось следствием чьего-то умысла, но ему никак не удавалось остаться в зале самому надолго. Но каждый раз, осматривая трещину в каменной плите, он видел, что там опять пробиваются волосы золотистого цвета. Ему приходилось очень внимательно следить, чтобы этот ужасный секрет не был раскрыт. Он хотел найти во дворе какой-нибудь ящик, куда мог бы спрятать тело убитой женщины, но все время ему кто-то мешал. Однажды, выходя через свою потайную дверь, он наткнулся на жену, которая тут же захотела узнать, что происходит, и стала удивляться, почему раньше не видела ключа, который он теперь ей так неохотно показывал. Джеффри любил жену всем сердцем, поэтому сама мысль о том, что она прознает о его страшном секрете или даже просто заподозрит его в чем-то, приводила его в настоящий ужас. Но через несколько дней ему все-таки пришлось прийти к заключению, что у нее появились тревожные мысли на его счет.

В тот вечер, когда она, вернувшись с верховой прогулки, вошла в зал и застала его сидящим рядом с камином в совершенно подавленном настроении, она сказала прямо:

– Джеффри, ко мне обратился тот тип, Деландер, и он рассказал мне ужасные вещи. Он сказал, что неделю назад к нему вернулась сестра, она была в жутком состоянии, от прежней красавицы остались только золотистые волосы. Так вот она пообещала совершить что-то ужасное. Он стал спрашивать меня, где она, и я... О, Джеффри, она же умерла! Умерла! Как же она могла вернуться? О, мне так страшно! Я уж и не знаю, что думать.

В ответ Джеффри разразился такими страшными проклятиями, что она содрогнулась. Он поносил и Уикхема Деландера, и его сестру, и весь их род, но больше всего досталось золотистым волосам.

– Что ты, тише! – испуганно сказала она, но тут же замолчала, потому что это внезапное проявление темной стороны характера мужа была для нее полной неожиданностью. Джеффри в прорыве гнева вскочил и отошел на несколько шагов от камина, но заметив, как вдруг побледнела жена, остановился. Он посмотрел в ту точку, на которую были устремлены ее глаза, и по его телу прошла дрожь. На разломанной каменной плите прямо из трещины выбивалась золотистая прядь.

– Смотри! Смотри! – пронзительно закричала она. – Это призрак! Бежим! Бежим отсюда! Схватив мужа за руку, она, словно обезумев, потянула его за собой вон из комнаты.

Всю ночь она билась в лихорадке. Приехавший утром районный доктор, осмотрев ее, телеграфом вызвал из Лондона специальную медицинскую бригаду. Джеффри был в отчаянии. Переживая за жену, он почти забыл о своем преступлении и его последствиях. Вечером доктор должен был уйти, поскольку его ждали другие пациенты, и наблюдение за больной он поручил ее мужу. Последними его словами перед уходом были:

– Помните, вы не должны давать ей расстраиваться, пока я не вернусь утром или пока ею не займется другой врач. Больше всего вам нужно опасаться нового эмоционального потрясения. Следите, чтобы она все время была в тепле. Пока больше ничего сделать нельзя.

Позже, когда слуги разошлись, жена Джеффри приподнялась с постели и обратилась к мужу:

– Пойдем! – сказала она. – Пойдем в старый зал. Я знаю, откуда появляется золото! Я хочу видеть, как оно растет!

Джеффри бы следовало остановить ее, но он понимал, что если попытается сделать это, у нее может случиться новый приступ, а это может быть опасно для ее жизни и рассудка. Поэтому он набросил ей на плечи теплую шаль, и они вместе направились в старый зал. Когда они вошли в зал, итальянка повернулась, закрыла дверь и заперла ее на ключ.

– Нам троим сегодня не нужны лишние глаза! – замогильным голосом прошептала она.

– Троим? Но нас же двое! – содрогнувшись всем телом, промолвил Джеффри. Сказать что-нибудь еще он побоялся.

– Садись сюда, – сказала его жена, потушила лампу. – Сядь рядом с камином и смотри, как растет золото. Серебряная луна завидует ему! Видишь, ее свет крадется по полу все ближе и ближе к золоту. К нашему золоту!

Джеффри с ужасом стал смотреть, куда показывала жена, и увидел, что за те часы, пока он не появлялся в этой комнате, пряди, выбивающиеся из трещины в камне, немного выросли. Он попытался спрятать их, для чего наступил ногой на трещину. Жена придвинула к нему стул, села и склонила голову ему на плечо.

– Теперь не шевелись, дорогой, – тихо сказала она. – Мы будем сидеть молча и наблюдать. Нужно узнать, как растет золото!

Он обнял ее рукой за плечи и прижал к себе, и она заснула, наблюдая, как луч лунного света медленно перемещается по полу.

Джеффри не осмелился разбудить ее, часы шли, а он сидел все так же неподвижно.

С перекошенным от ужаса лицом он наблюдал за тем, как золотистые пряди, выступающие из разлома камня, росли прямо у него на глазах, и чем длиннее они становилось, тем сильнее сжималось его сердце, пока наконец он не почувствовал, что уже не в силах шевелиться. Ему оставалось лишь одно: сидеть и смотреть в лицо надвигающейся смерти.

Утром прибыл врач из Лондона, но ни Джеффри, ни его жены нигде не было. Обыскали все комнаты, но они словно сквозь землю провалились. Наконец решено было взломать дверь в последнее оставшееся неосмотренным помещение, старый зал. Глазам тех, кто вошел в него первыми, открылось страшное и печальное зрелище.

Перед потухшим камином, холодные, белые как мел сидели мертвые Джеффри Brent и его молодая супруга. Лицо женщины было умиротворенным, как будто она отошла во сне, но лицо мужчины заставило содрогнуться даже самых смелых. На нем застыла маска непередаваемого безотчетного ужаса. Остекленевшими выкатившимися из орбит глазами он смотрел на свои ноги, которые были оплетены длинными золотистыми локонами с отдельными седыми прядями, которые росли из трещины на большой каменной плите.

Предсказание цыганки

– Я действительно считаю, – сказал доктор, – что кто-то из нас должен пойти туда и проверить, стоит ли всему этому доверять.

– Прекрасно! – воскликнул Консидайн. – Тогда после обеда запасемся сигарами и наведаемся в табор.

Сказано – сделано. Когда с обедом было покончено и бутылка «Ля Тур» опустела, Джошуа Консидайн и его друг доктор Барли отправились в восточную часть поросшей вереском пустоши, где лагерем расположился цыганский табор. Когда они уходили, Мэри Консидайн, которая провела их до самого конца сада, откуда начиналась узкая тропинка, петляющая между кустами, окликнула мужа:

– Не забывай, Джошуа, все должно быть по-честному, только смотри сам не проговорись о себе, а то они тебе такого нагадают!.. И не вздумай там положить глаз на какую-нибудь молодую цыганочку... Ты отвечаешь за Джеральда, за то, чтобы с ним ничего не случилось.

В ответ Консидайн поднял вверх руку, словно приносил клятву на суде, и начал насвистывать старую песенку «Цыганская графиня». Джеральд тут же подхватил нехитрый мотив, и мужчины, жизнерадостно рассмеявшись, двинулись в путь, время от времени оглядываясь, чтобы помахать Мэри, которая осталась у калитки.

Был чудесный летний вечер, все дышало спокойствием и тихим счастьем, как в доме молодоженов. Жизнь Консидайна нельзя было назвать богатой на события. Единственное, что выбивалось из обычного размеренного существования, это ухаживание за Мэри Уинстон и упорное нежелание ее родителей дать согласие на брак единственной дочери с тем, кто в их глазах не выглядел блестящей партией. Когда мистер и миссис Уинстон только узнали о притязаниях молодого адвоката, они попытались разлучить влюбленных, для чего отправили дочь из города в долгое путешествие по всем родственникам, которых только смогли вспомнить, да к тому же заставили ее дать слово, что она за время отсутствия не будет писать своему другу сердца. Однако любовь выдержала это испытание. Ни долгая разлука, ни молчание любимой не остудили страсти Джошуа, а ревность как будто вообще была чувством неведомым его разудалой натуре, поэтому, после долгого ожидания, родители наконец сдались, и молодые влюбленные поженились.

Они уже несколько месяцев прожили в небольшом деревенском доме, и он даже почти стал казаться им родным. Джеральд Барли, старинный приятель Джошуа, с которым он познакомился еще во время учебы в колледже и который в свое время тоже стал жертвой очарования Мэри, приехал к ним неделю назад, чтобы погостить, пока дела не позовут его обратно в Лондон.

Когда муж скрылся из виду, Мэри вернулась домой, села за пианино и на час заняла себя музыкой Мендельсона.

Не успели друзья выкурить по сигаре, как уже оказались рядом с цыганским лагерем. Место это было очень живописным, как и положено богатому цыганскому табору, расположенному в деревне. У костра сидело несколько человек, готовых расстаться со своими деньгами ради того, чтобы узнать будущее, а вокруг нерешительно слонялись те, кто был победнее или поэкономнее. К костру они подходить не решались, но им и так было слышно все, что там происходит.

Когда двое джентльменов приблизились, сельчане немного расступились, и к путникам выбежала молодая цыганка с цепкими глазами, она с места в карьер предложила погадать на будущее. Джошуа протянул ей руку, на нее она и не взглянула даже, вместо этого стала как-то странно всматриваться в его лицо. Джеральд толкнул локтем приятеля:

– Нужно дать ей денег, – сказал он. – Это одна из самых важных частей таинства.

Джошуа достал из кармана полкроны и протянул монету цыганке. Но она, не обратив на это никакого внимания, сказала:

– Позолоти руку цыганке.

Джеральд рассмеялся.

– Я вижу, ты для нее важный клиент, – сказал он.

Джошуа был человеком добрым во всех смыслах этого слова и мог спокойно выдержать долгий взгляд красивой девушки, поэтому после некоторых раздумий ответил:

– Хорошо, красавица, вот тебе золотая монета, но за нее ты уж, будь добра, нагадай мне действительно хорошее будущее, – и он вручил ей пол соверена.

На этот раз цыганка приняла монету и сказала:

– Не от меня зависит, каким будет будущее, хорошим или злым. Я только читаю то, что говорят звезды.

Она взяла его правую ладонь обеими руками и повернула внутренней стороной вверх, но едва посмотрев на нее, тут же отдернула руки, словно обожглась. Испуганно глядя на него, она стала медленно отходить в сторону, потом развернулась и побежала к большому шатру в самом центре лагеря и скрылась в нем.

– Опять нас надули! – в притворном отчаянии всплеснул руками Джеральд.

Джошуа стоял молча, переваривая события. Оба друга не сводили глаз с большого шатра, и через несколько секунд из него появилась, нет, не молодая цыганка, а важного вида женщина средних лет с властным взглядом.

Как только она вышла из шатра, все в лагере как будто замерло. Крики, смех, шум работы – на несколько мгновений все стихло. Каждый мужчина и каждая женщина, все, кто сидел, стоял или лежал прямо на земле, разом встали и посмотрели на величественную цыганку.

– Это их королева, разумеется, – шепнул Джеральд. – Нам сегодня везет.

Цыганская королева обвела табор взглядом, словно искала что-то или кого-то, и, увидев Джошуа, молча и решительно направилась к нему.

– Протяни руку, – не попросила, приказала она.

И снова Джеральд сказал *sotto voce*⁶:

– Со мной так последний раз разговаривали, когда я еще учился в школе.

– Тебе нужно позолотить руку.

– Это уж точно, – шепнул Джеральд, когда Джошуа достал из кармана еще полсоверена и положил монету себе на раскрытую руку.

Цыганка, сдвинув брови, стала внимательно изучать его руку, но неожиданно перевела взгляд ему на лицо.

– Есть ли в тебе сила... сможет ли твое сердце выдержать испытание ради того, кого ты любишь?

– Надеюсь. Я не настолько тщеславен, чтобы прямо заявить «да».

– Тогда я скажу вместо тебя: у тебя в лице я вижу решительность... Решительность отчаянную и непреклонную. У тебя есть жена, которую ты любишь?

– Да! – взволнованно произнес Джошуа.

– Тогда брось ее немедленно... Отныне ты не должен видеть ее лица. Уйди от нее, пока любовь еще свежа, а сердце твое полно только добрых помыслов. Уходи как можно быстрее... и дальше. Забудь ее лицо!

Джошуа поспешно убрал руку, сухо, но с долей сарказма бросил: «Благодарю вас!» и отвернулся с таким видом, будто собрался уходить.

⁶ Вполголоса, очень тихо.

– Постой, дружище! – положил ему на плечо руку Джеральд. – Нельзя тебе так просто уходить. Смешно обижаться на звезды. А твой соверен... По крайней мере выслушай до конца, что тебе скажут.

– Замолчи, – приказала ему королева. – Ты не знаешь цену своим словам. Пусть уходит... в неведение, раз не хочет слушать предостережение.

Джошуа резко повернулся.

– Тогда доведем дело до конца, мадам, – обратился он к цыганке. – Совет я услышал, но заплатил-то я за то, чтобы узнать будущее.

– Слушай меня! – сказала она. – Звезды уже давно молчат, пусть тайна окутывает их и дальше.

– Послушайте вы меня. Я не привык иметь дело с тайнами и предпочитаю получить за свои деньги четкие сведения, а не неведение. Последнее я и так могу получить в любое время, когда захочу, причем абсолютно бесплатно.

Джеральд поддержал друга:

– У меня тоже такого добра столько, что я готов поделиться.

Цыганская королева окинула их хмурым взглядом и сказала:

– Что ж, будь по-вашему. Вы сделали свой выбор. Над предостережением вы посмеялись, к просьбе отнеслись несерьезно. Проклятие падет на ваши головы!

– Мы согласны. Аминь! – торжественно произнес Джеральд.

Царственным жестом цыганка взяла руку Джошуа и начала гадать.

– Я вижу реку крови. Она прольется уже скоро. Я вижу ее. Она течет через разорванное кольцо.

– Продолжайте! – улыбаясь, сказал Джошуа. Джеральд промолчал.

– Хотите знать больше?

– Конечно! Нам, обычным смертным, нужна определенность. Звезды ведь так далеко, пока их послание дошло до нас, что-то ведь могло и перепутаться.

Цыганку передернуло.

– Это рука убийцы... убийцы своей жены! – произнесла она торжественно, отпустила руку и отвернулась.

Джошуа рассмеялся.

– Знаете, – сказал он. – Мне кажется, на вашем месте я бы выразался грамотнее с точки зрения юриспруденции. Например, вы говорите «это рука убийцы», имея в виду события, которые произойдут... вернее, предположительно могут произойти в будущем, поэтому ваше утверждение в настоящий момент не верно. Следовало бы сказать: «Это рука того, кто станет убийцей» или даже: «Рука того, кто убьет свою жену». Да, в технических вопросах звезды явно не подкованы.

Не проронив ни слова, цыганка, понутив голову, с угрюмой миной направилась к своему шатру.

Двое друзей тоже развернулись и молча пошли домой через пустошь. Наконец молчание нарушил Джеральд.

– Знаешь, старина, я ни секунды не сомневаюсь, что это шутка. Страшная, но все же просто шутка. Но, как ты думаешь, может, нам лучше держать язык за зубами?

– Что ты имеешь в виду?

– Не стоит об этом рассказывать Мэри. Это может разволновать ее.

– Разволновать ее? Дорогой Джеральд, о чем ты думаешь? Даже если все цыгане, которые только разошлись по миру из Богемии, станут уверять мою жену, что я ее убью или даже что я могу плохо о ней подумать, она ни за что не поверит в это.

Но Джеральд стал возражать:

– Дружище, женщины очень суеверны, намного больше, чем мы, мужчины. К тому же они, к счастью (или к несчастью!) наделены такой психической системой, которую нам понять совершенно невозможно. Мне по работе приходится сталкиваться с этим слишком часто. Послушай моего совета, ничего ей не говори, иначе напугаешь ее.

Губы Джошуа непроизвольно напряглись.

– Вот что я скажу, друг мой, до сих пор у меня не было секретов от жены. С чего бы это вдруг нам менять отношения? Мы с ней ничего не скрываем друг от друга. Я считаю, что супругам иметь тайны по меньшей мере странно.

– И все же, – сказал Джеральд. – Чтобы избежать дурных последствий, лучше подумать об этом заранее.

– Ты говоришь прямо как та цыганка, – сказал Джошуа. – Вы с ней, похоже, заодно. Может быть, это ты все подстроил? Ты рассказал мне о цыганском таборе... Это ты все подстроил с ее величеством?

Все это было сказано как будто в шутку, но голос Джошуа был напряжен. Джеральд заверил его, что сам только утром узнал о том, что в деревне остановился табор, и на все дальнейшие вопросы своего друга отвечал со смехом. Вскоре в приподнятом настроении они дошли до дома.

Мэри сидела за пианино, но не играла. Вечерняя пора пробудила в ее душе какое-то томление, и на глазах ее выступили слезы. Когда в дом вошли мужчины, она бросилась к мужу и поцеловала его. Джошуа изобразил на лице трагическую мину.

– Мэри, – произнес он глухим голосом. – Прежде чем приблизиться ко мне, ты должна узнать, что уготовано нам судьбой. Звезды открыли нам свои тайны, и наша участь решена.

– Что, дорогой? Расскажи, что нас ждет впереди, только не пугай меня.

– Что ты, дорогая, как можно! Но есть кое-что, о чем тебе все же лучше будет узнать. Только совершенно необходимо подготовить все заранее и самым тщательным образом.

– Говори же скорее, милый, я слушаю!

– Мэри Консидайн, ваша восковая маска может быть выставлена в музее мадам Тюссо. Звезды известили нас, что на вот этой руке кровь... ваша кровь. Мэри! Мэри! О Боже! – Он бросился к жене, но не успел подхватить ее. Лишившись чувств, она упала на пол.

– Я же говорил! – воскликнул Джеральд. – Все-таки я в женщинах лучше разбираюсь.

Через какое-то время Мэри пришла в сознание, но стала вести себя истерично, то смеялась, то плакала, то бредила:

– Не давай ему приближаться ко мне... ко мне, Джошуа, муж мой, – испуганно умоляла она.

Джошуа Консидайн сходил с ума от волнения. Когда Мэри наконец притихла, он опустился рядом с ней на колени и стал целовать ее ноги, руки, волосы, произносить ее имя и все самые нежные и чуткие слова, которые только мог придумать. Всю ночь он просидел у кровати, держа жену за руку. Всю ночь до самого утра она то и дело просыпалась и плакала, словно в страхе. Успокаивалась она лишь тогда, когда понимала, что рядом с ней неотступно находится супруг.

Следующим утром завтракали поздно. Как только сели за стол, принесли телеграмму, в которой сообщалось, что Джошуа необходимо срочно прибыть в Витеринг. До Витеринга было двадцать миль пути, и Джошуа не хотел оставлять жену в таком состоянии надолго, но она стала горячо убеждать его поехать, так что около полудня он сел в свою двуколку и отправился в Витеринг.

Когда он уехал, Мэри вернулась в свою комнату. Ко второму завтраку она не вышла. Лишь когда во дворе под старой плакучей ивой был подан чай, она составила компанию гостю. Выглядела она хорошо и, казалось, полностью оправилась от вчерашнего приступа. Обменявшись с Джеральдом обычными любезностями, она сказала:

– Конечно, глупо было так вести себя вчера вечером, но я не смогла справиться со своим страхом. Честно говоря, мне до сих пор страшно, когда я вспоминаю те слова. Но, в конце концов, цыгане ведь могут и насочинять с три короба, я же знаю способ, как убедиться в том, что это предсказание – лишь выдумка... или наоборот, – печально добавила она.

– Что же вы придумали? – спросил Джеральд.

– Я сама отправлюсь в цыганский табор и спрошу у их королевы, что ожидает меня в будущем.

– Превосходная идея! Могу я отправиться с вами?

– О нет! Это все испортит. Она может узнать вас, и тогда догадается, кто я такая, и, естественно, расскажет мне то же самое, что говорила вам вчера. Сегодня днем я пойду туда одна.

Когда перевалило за полдень, Мэри Консидайн вышла из дома и направилась к цыганскому табору. Джеральд проводил ее до самой пустоши, после чего вернулся домой.

Прошло не более получаса, когда Мэри вошла в гостиную, где Джеральд, лежа на диване, предавался чтению. В лице у нее не было ни кровинки, и было видно, что она крайне возбуждена. Едва переступив порог, она со стоном стала оседать на ковер. Джеральд бросился было на помощь, но она сумела собраться с силами и взмахом руки попросила Джеральда ничего не говорить. Он стал ждать, и готовность, с которой он внял ее просьбе, была для нее лучшим лекарством, поскольку уже через несколько минут она пришла в себя настолько, что смогла рассказать о том, что с ней произошло.

– Когда я подошла к лагерю, – начала она, – там не было видно ни души. Я вышла на самую середину и остановилась. Неожиданно рядом со мной словно из-под земли выросла высокая женщина. «Я почувствовала, что кто-то ищет меня!» – сказала она. Я протянула ей серебряную монетку на ладони. Она сняла с шеи какую-то золотую вещицу и положила рядом мне на ладонь, потом схватила их и бросила в ручей, который течет там недалеко. После этого взяла мою руку в свои, произнесла: «В этом нечистом месте ничего, кроме крови, нет!» и отвернулась. Но я вцепилась в нее и стала просить, чтобы она рассказала больше. Наконец она сказала: «Увы! Увы! Я вижу, как ты лежишь у ног своего мужа, и руки у него красны от крови».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.